

В.Н. Воскресенский – первооткрыватель «философии русской»

{ Часть первая }

Ванчугов В.В. Первый историк русской философии: архимандрит Гавриил и его время. М.: Мир философии. 2015. 752 с.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1. ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ ВСЕМИРНОЙ

§ 5. Изъявление благодарности от министра народного просвещения за «Историю философии». Первое «прибавление» к ней: «чистая» и «нечистая» философия

ГЛАВА 2. ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ РУССКОЙ

§ 1. Второе дополнение к истории философии: о русском любомудрии

§ 2. Приемы «опытного душесловия» при определении характеров народов. Умозрительная психология: типы народов.

Особый характер русского человека и своеобразная философия

§ 3. Пантеон отечественных любомудров

§ 4. Материал и приемы работы

§ 5. Источники «вдохновения» архим. Гавриила

§ 6. Достоинства и недостатки «Русской философии»

{ Оглавление }

М.А. Маслин. Русский народ имеет свою философию

Пролог

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Начало пути. Московская Славяно-греко-латинская академия

Глава 2. В Московской духовной академии: учащийся, магистр, бакалавр

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. В Александро-Невской лавре. Бакалавр богословия и инспектор академии. Возведение в сан архимандрита

Глава 2. Перемещение в провинцию: Орловская и Могилевская епархии. Ректор семинарии

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1. Из Европы – в Азию: настоятель третьеразрядного монастыря в Казани

Глава 2. Возвращение к преподавательской деятельности. Повышение класса монастыря

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1. На ниве народного просвещения

Глава 2. Профессор университета

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1. Историк философии всемирной

Глава 2. Историк философии русской

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 1. На ректорство в Симбирскую семинарию

Глава 2. Возвращение в Казань

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава 1. Любомудрие в области правоведения. «Философия правды»

Глава 2. Университетские будни

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Глава 1. Завершение казанского периода. Перемещение в Сибирь

Глава 2. Возвращение из Сибири. Завершение жизненного пути

Эпилог

Библиография

Первый историк русской философии: архимандрит Гавриил и его время (фрагмент)*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1. Историк философии всемирной

§ 5. Изъявление благодарности от министра народного просвещения за «Историю философии». Первое «прибавление» к ней: «чистая» и «нечистая» философия

В отчете по итогам осмотра университета св. Владимира Уваров высказал императору пожелание: «в уважение пользы», получаемой от пребывания «этих достойных и благородных профессоров в тамошнем крае», следовало бы наградить некоторых знаками отличия – и предложил, чтобы ординарному профессору Максимовичу дали орден Св. Владимира 4-й степени, ординарному профессору и ректору Неволину – орден Св. Анны 3-й степени и такой же степени награду – ординарному профессору Новицкому... Чем же так отличился философ Новицкий? По сути, историей философии. Он уже отметил, как мы помним, речью «Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности», произнесенной в день закладки основания нового корпуса, и вот теперь к ним прибыл Уваров, который, приступив к обзору университета, решил посетить и лекции, в том числе послушать, что читают по курсу философии. Ординарный профессор Новицкий к тому времени уже успел провести свое занятие, но ради министра ему пришлось все повторить. Предметом его лекции был основатель элейской школы Ксенофан, и в своем обозрении истории греческой мысли Новицкий особое внимание уделил решению проблемы «как согласовать исходную точку его философии, что “из ничего не бывает ничего”, которая представляется аксиомой, с христианским учением, что весь мир произошел именно из ничего». И Уваров остался очень доволен услышанным, так что хвалил лектора и попечителя округа, и даже Жуковскому, путешествующему с наследником престола и уже побывавшему в Казани, где настоятель Зилантовой обители архим. Гавриил показал высоким гостям храм-памятник. После горячих похвал со стороны министра Жуковский тоже пожелал выслушать от Новицкого особую лекцию для узкого круга лиц, где бы им было дано изложение истории философии в общих чертах... При таком успехе среди важных лиц не удивительно, что вскоре Новицкий пришел в университет в мундире, украшенном орденом Св. Анны 3-й степени, при виде которого студенты, встречавшие преподавателя в передней, подхватили его на руки и внесли в ау-

* Книга подготовлена в рамках разработки приоритетного направления научных исследований кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Университетская и духовно-академическая философия в России».

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea». E-mail: vanchugov@gmail.com

диторию. Также Новицкий по прибытии в «мать городов русских» наследника престола «имел счастье» поднести ему только что отпечатанное сочинение «О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык» (Киев, 1837) и в ответ, через Уварова, получил еще одну награду – бриллиантовый перстень.

Вознаграждение архим. Гавриила за труды в этой области было скромнее: 20 мая 1839 года за подготовленную «историю философии» министром народного просвещения изъявлена благодарность¹. Впрочем, орден у него уже имелся, и было что показать как профессору – полную историю философии, да еще и с двумя тематическими «прибавлениями» к ней. Его «История философии» первоначально состояла из четырех частей, к которым он присоединил еще два тома, появление которых предварил следующим образом: «Мы много занимались Западом, теперь же обратимся к Востоку»... В пятой части (прибавлении первом) он решил поведать о философии *древнеиндийской* и философии *древнекитайской*.

Однако дальнейшее повествование мы должны предварить двумя отступлениями. Во-первых, следует отметить, что незадолго до описываемых событий в Казанском университете появился еще один архимандрит... В мае 1837 года решено было открыть первую в России кафедру китайского языка, которую по предложению Мусина-Пушкина возглавил архим. Даниил (Сивиллов): с 1820 года он жил в Китае при Русской Духовной Миссии, где изучил язык и взялся за исследование конфуцианского, буддийского и даосского вероучений. Итогом этих занятий стали многочисленные переводы религиозных текстов, привезенных им в Казань, а среди них – рукопись «Любомудрие Конфуция, славного китайского философа»². Поэтому архим. Гавриилу, готовившему учебное пособие, было о чем поговорить с коллегой при составлении первого приложения к истории философии. Во-вторых, также необходимо указать и на то, что университет располагался в Казани, одновременно и *православном*, и *мусульманском* городе, и его повседневная жизнь регулировалась не только звонами колоколов храмов, но и призывами мулл с минаретов. И еще имелся здесь один элемент – *иудейский*. В 1839 году в Казань прибыла очередная партия кантонистов, набранных из «местечек», обучение которых предполагало, помимо прочего, приобщение к православию. Специфика этого элемента особенно ярко проявилась благодаря следующим особенностям поведения: «При изучении русской грамоты в военном училище, – рассказывал бывший кантонист Алексеев (Нахлас), – нам давали читать отрывки из священного Писания Нового Завета: мы читали все, как должно; а как, бывало, увидим имя Иисус, то выскоблیم оное ножичком, так что мы перепортили все книжки, которые нам давали; мы вообще старались избегать книг христианского религиозного содержания, потому что нам натолковали дома, что такие книги, а в особенности те из них, в коих упоминается об Иисусе Христе, суть трэф и пусл, то есть скверны и порочны, поэтому их необходимо избегать». Поступали кантонисты так согласно строгому повелению раввина – оставаться иудеем, не верующим во Христа, и всячески противиться всем тем, кто возьмется наставлять их в христианстве. Но пока кантонисты «выскабливали ножичком», архим. Гавриил составлял особое «прибавление» к своему пособию, посвященное «Восточной философии», где всячески прославлял Сион... Итак, вернемся к его труду.

Начинается эта книга с параграфа 129, поскольку является продолжением общей истории философии, прежде изложенной в четырех томах. Восточная

¹ НА РТ. Ф. 86. Оп. 14. Д. 1. Л. 8. Здесь по ошибке указан 1838 год.

² Сивиллов Д.П. [Даниил]. Любомудрие Конфуция, славного китайского философа, преподанное им ученикам своим, а сими изложенное и на четыре части разделенное // ОРРК НБ КГУ (Казань). № 4485 (рукопись, 1828 г. 13 л.).

философия разделяется архим. Гавриилом на два рода: *первого рода* восточная философия есть «чистая, происходящая от Бога», получившая свое начало вместе с первым человеком, чуждая заблуждений, возросшая на святой земле и от Сиона во все концы вселенной распространенная; *второго рода* восточная философия есть «нечистая», поскольку она «развратными потомками нашего прародителя измышленная, исполненная большими и меньшими заблуждениями, более или менее искажившая первоначальные понятия об истинном, добром и изящном и по действию злых духов укорененная в Индии, Китае, Персии, Египте и Финикии»¹. Философия чистая, та, что в Палестине (§ 130), заключается в книгах Св. Писания, в творениях Отцов Церкви и в сочинениях различных православных, христианских писателей. Главное ее содержание следующее: Един есть Бог, безраздельное море самосущности, дух бесконечный, невидимый, непостижимый, Безначальный, Бесконечный, Всемогущий, Премудрый, Препоблагод, Правосудный, Самодовольный, Всеблаженный, Творец и Промыслитель всех видимых и невидимых. Такова, вкратце, философия избранного народа. И мыслитель, воспитанный на таком учении, в изложении архим. Гавриила предстает в образе монаха: устремленный к истинной цели человек, который, закрыв свои чувства, пребывает вне плоти и мира; ничего человеческого его не касается, кроме самого необходимого; беседуя с единым Богом и самим собою, восстает превыше всего видимого; в себе самом всегда «обносит чистые божественные видения, не смешанные с дольными блудящими образами»; он подобен незатмеваемому зеркалу Бога и Божественного; постепенно восходит от света к свету, от темного к яснейшему, пока достигнет самого источника высших озарений и получит «блаженную кончину, где зеркала и гадания разрешатся в истину».

Но, показав истинное любомудрие, дав читателю вдохнуть «райского воздуха земли святой», архим. Гавриил в назидательных целях уводит его «в землю заблуждения», источник философии «нечистой» (§ 131), «со всеми причудами пантеизма, сенсуализма, скептицизма и мистицизма». Указав, что из «чистых преданий еврейского народа в необъятном разнообразии форм на всем пространстве Азии возникли несвязные сказания», архим. Гавриил далее принимается за описание, которое похоже на ветхозаветный перечень нечистых животных: все бескопытные звери; грызуны (заяц, тушканчик, мышь, даман); землеройки (крот); летучие мыши; все хищные птицы (орел, гриф, ястреб, сокол, коршун, филин, сова); воронья порода; птицы-рыболовы (цапля, пеликан, чайки); зуй, ибис, угод; страус, лебедь; все водные животные без чешуи; все беспозвоночные, кроме разных видов саранчи... Только у архим. Гавриила не бестиарий, а нечистая философия в ее разнообразных проявлениях: Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Пурана, Рамаяна, Махабхарата, Миманса, Веданта, Санхья, Ньяя и Вайшешика, Буддисты, И-цзын, Дао де цзын, Ян и Инь и всякое прочее...

Как это ни удивительно, но исламская философия, несмотря на сильный мусульманский фон Казани, совсем не обозначена в этом томе. Впрочем, если бы она и попала сюда, то лишь по разряду «нечистой». При составлении этого тома он словно последовал совету отца церкви Василия Великого, рекомендовавшего писателям при изучении языческих сочинений поступать *подобно пчелам*, которые «не на все цветы равно садятся» и с тех, на какие сядут, не все стараются унести, но взяв «что пригодно на дело», прочее оставляют нетронутым, и так вот, «собрав из произведений, что нам свойственно и сродно с истиною, остальное будем проходить мимо»...

А вот следующая книга, второй том «прибавления», представлял философию столь же «чистую», как «философия Палестины», – *русскую*. К подробному

¹ История философии. Ч. V. Прибавление первое. Казань, 1839. С. 4.

разбору – «философии Севера» мы и переходим, оставляя первые четыре тома истории философии («философия Запада») и первое прибавление к ней («философия Востока»). Несмотря на свою «свежесть» по дате публикации, они все же малоинтересны, совершенно неоригинальны и являются примером торопливо написанного учебного пособия к университетскому курсу, что делалось не по собственному желанию ученого, а по велению начальства, нуждающегося в отчетах о новых руководствах для учащихся. Эта работа архим. Гавриила интересна лишь с точки зрения изучения состояния *философии в России*, но не имеет особой ценности как сочинение в жанре «истории философии». Она, безусловно, представляет интерес как явление в философии, как первая *история русской философии*.

Глава 2. Историк философии русской

§ 1. Второе дополнение к истории философии: о русском любомудрии

Бецкий сообщал в письме к Погодину, что от статьи Давыдова – «Возможна ли у нас германская философия?»¹ – он ожидал большего. «И мало, – поясняет Иван Егорович, – и чересчур дешево. Уверяю, что накануне, говоря с Протопоповым о *возможности германской философии*, я почти то же сказал: что у нас должна быть *своя философия*, осадок пережитой, так сказать, народной умственной жизни, собственного труда и пр. Это не новость; кроме того, такого рода вещи можно говорить натошак, чуть глаза продерешь, не читавши ни одной философской книги. Это все общие места, справедливые, если хотите, но как-то на воздухе, трудно поверить в действительность. Чтоб доказать, нужно целую книгу написать»². Вот такого рода сочинение, о котором рассуждал Бецкий, радевший в согласии с духом того времени о самобытной философии, и подготовил еще двумя годами ранее настоятель Зилантова монастыря архим. Гавриил.

Прежде чем приступить к письму, любому автору того времени следовало сделать «пробу пера» – испытать новоочиненное перо. Во многих иллюстрациях к Новому Завету евангелисты держат в руке гусиное перо, и к тому моменту, как архим. Гавриил взялся за свой труд, мало что изменилось, менялся лишь состав чернил³. Уже, правда, появились у нас стальные перья, привозимые из Европы, но они были редкостью. Так, Тимофей Грановский сообщал в письме к Виссариону Белинскому (20 октября 1838 года), что сидит у Николая Станкевича – проводника в России передовой, гегелевской философии – и пишет его «железным» пером. Впрочем, Пушкин, опробовав подобное перо, скоро вновь вернулся к гусиному как более удобному. Вся Россия неспешно вела записи гусиными перьями, будь то любовные послания или судебные тяжбы, издавая при письме характерный скрип. Из одного крыла птицы можно было выдернуть не более десятка *писчих* перьев, которые после надлежащей обработки поступали

¹ Москвитянин. 1841. Ч. 2. Здесь он заявлял, среди прочего, что философия в определенном смысле заменяет «народную энциклопедию» и «развивается последовательно из духа народного и невозможна для других народов, живущих другою жизнью религиозною, гражданскою и умственною».

² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 17–18.

³ В миниатюре «Остромирова Евангелия» на изображении евангелиста Луки перо отсутствует, вместо него лежат разные по толщине палочки. Хотя само «Остромирово Евангелие» написано пером, как и все тексты, создаваемые в монастырях, миниатюрист, желая показать древность Евангелия, отразил именно старый способ письма – с помощью «тростии».

в продажу пучками по 25 штук. Однако при наличии своего подсобного хозяйства перьев не покупали, выдергивая их из левого крыла птицы, так как именно их изгиб был удобнее для руки пишущего¹, а вот за чернилами необходимо было отправиться в аптеку, где фармацевты в определенной пропорции растирали и смешивали чернильные орешки (наросты с дуба, галлы), железный купорос, гвоздику, бертолетову соль, аравийскую камедь, ренский уксус и горячую воду. Заготавливали перья только по весне и от молодых, сильных птиц. Со стержня срезалась часть выступающей бородачки, чтобы перо было удобнее удерживать в руке. Для обезжиривания перо вываривалось в щелочи не менее 10–15 минут, после чего обжигалось и закаливалось в горячем песке. Далее важно было сделать правильный очин и «раскеп», или расщеп, для чего существовали специальные раскепные ножи, они же – перочинные ножики. За границей для этой операции придумали машинку, но у нас она большого распространения не получила, и данная часть подготовки также осталась ручной. Многие зависело от того, кто делал очин, – не всякий мог срезать так, чтобы удобно было для писания. В любом случае важным считалось писать, по возможности не отрывая пера от бумаги, «одним ходом». Все линии, выводившиеся справа налево, снизу вверх, овалы и прочее давались с трудом, нередко вызывали брызги, и даже на хорошей бумаге при сильном нажиме перо «раскорячивалось». При длительном письме перо довольно быстро списывалось («тупилось»), тогда приходилось чинить его заново либо поворачивать набок, ну а смена пера при новой очинке часто приводила даже к частичному изменению почерка. Вот таким образом, день за днем и писалось второе дополнение к истории философии. При сальных свечах да при свете лампы пред образами, в подряснике, пропитанном запахом ладана от кадила.

Как я уже указывал в предыдущей главе, к началу века жанр «*историй философских систем*» нашими преподавателями был уже вполне освоен – на русский язык переведен ряд трудов европейских авторов, также появились публикации собственных опытов сочинений (хотя и немногочисленные), и потому у архим. Гавриила уже имелись предшественники, благодаря которым он шел проторенным путем. Так что написание пособия по истории философии было, можно сказать, рядовым событием, и не удивительно, что Иван Снегирев, выдавший в Москве цензурное разрешение на публикацию первого тома, в своем дневнике, достаточно подробном, даже не отметил это событие. Зато второе «прибавление» мы можем отнести уже к чему-то из ряда вон выходящему, экстраординарному, необыкновенному, поразительному, поскольку оно не имело аналогов – ведь за описание философии в России еще никто не брался ни в нашем отечестве, ни за его пределами. И потому автору пришлось быть *пионером* во всех значениях этого слова, используемого в то время (человеком, который одним из первых пришел и поселился в новой, неисследованной стране, местности, «воином для земляных работ», то есть сапером, инженером, ответственным в армии за прокладывание дорог). Он оказался первым, кто взялся за сочинение на тему истории русского любомудрия, а потому следует рассмотреть именно этот труд особенно пристально, чтобы выделить основные *элементы* и *приемы* работы, выявить прямые и косвенные источники вдохновения, план и степень его реализации.

Историк философии, по мнению архимандрита, должен быть не только лучшим из философов, но и почти всемогущим и всеведущим – «по его магии воскресают из гробов древние философы; по его велению излагают свои

¹ В «Азбуке российского чистописания, расположенной на французский манер» (1789) указывается, что лучшими являются перья из левого крыла, а именно «от краю второе, третье и четвертое перо: из правого же крыла не столь сручны».

мысли Платон, Сократ, Аристотель, Спиноза, Кант и все прочие любомудры по очереди»¹. Благодаря «всемогуществу» архим. Гавриила очередь «воскресения» дошла и до отечественных любомудров. Так появилось второе «прибавление» к его истории философии, шестая часть, имеющая название «Русская философия», которая является, в категориях предыдущего тома, посвященно-го восточной философии, исключительно «чистой». Почему? Попробуем разобраться.

Завершающая часть «Понятия об истории философии», появившаяся сначала в «Ученых записках императорского Казанского университета», была посвящена исключительно российским философам², и анонимный рецензент «Журнала Министерства народного просвещения» заметил по этому поводу, что «почтенный архим. Гавриил» в очередной своей статье, обзрев историю философии в Персии, Египте, Халдее, Финикии, оказался наконец и в России³. Поскольку издание «Русская философия» идет как «второе прибавление» к четырехтомной истории философии, и нумерация является продолжением первого приложения (философии восточной), так что изложение отечественной истории философии начинается со 138-го параграфа и заканчивается 166-м, но сразу же опубликованная отдельным изданием и с измененным названием – «История русской философии» – она имеет самостоятельное деление на параграфы (§ 1–29), однако с тем же самым содержанием, без изменений хотя бы одной буквы.

Отпечатали ее в университетской типографии, для которой основным источником дохода было «тиснение» книг на восточных языках для местных мусульман, вследствие чего на полученные таким образом средства можно было выпускать труды собственных преподавателей и ученых. Она имела свою словолитню – цех по производству шрифтов, однако все их формы заимствовались из столичной типографии, та же, в свою очередь, ориентировалась на образцы парижской типографско-издательской фирмы Дидо. Отпечатанная книга на фронтисписе имела эпиграф «Все хорошее, узнав, вы должны помнить. Владимир Мономах в завещании детям», а на титульном листе – «Вся изыскиюще, добрая держите»⁴ и аллегорическое изображение – лампада с ярко горящим фитилем, парящая на облаке, и рука, подливающая масло. Символика здесь была всем понятна – Бог как источник света добавляет масло в лампаду, чтобы она продолжала нести высший свет разума.

Первые девять параграфов книги выполняют роль *введения*, где автор декларирует свои установки, а именно: каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от прочих, и *свою философию, более или менее наукообразную* или по крайней мере *рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии*; влияние ума на всю человеческую деятельность русский народ выражает любимыми присловиями; также автор касается «древне-русского языческого богоучения», отмечает существование в России необразованного народа чувашей, что является иллюстрацией того, как плохо быть язычником; указывает на *особенное внимание ко гласу разума и опыта*, которое Россия проявила при избрании веры, затем на *коренные основания русского мышления, которые не изменились*, чему доказательства представля-

¹ Ученые записки императорского Казанского университета. 1837. № 3. С. 23.

² Там же. 1840. № 1. С. 3–73; № 2. С. 14–62; № 3. С. 3–64; № 4. С. 3–48. Отдельное издание: История философии. Ч. 6: Русская философия. Казань, 1840.

³ ЖМНП. 1840. Ч. XXVIII. С. 207. Продолжение обзора: 1841. Ч. XXX. С. 11–14.

⁴ Церковнославянское издание Библии. Вся же искушающе, добрая держите. Апостола Павла 1-е послание к Солунянам, 21. Синодальный перевод: Все испытывайте, хорошего держитесь.

ет и 1812 год, и Устав духовных академий 1814 года; показывает отличия нашей философии от философии прочих европейских народов, в частности такое, что если схоластика Западной Европы произошла от изучения греческой и римской литературы, то русская философия обязана своим развитием *духовенству*, как русскому, так и греческому... Большая же часть книги посвящена персоналиям (подробнее о них будем говорить далее), и в завершении дается перечисление литературы («Руководственными книгами для изучения философских наук, при критическом разборе, могут служить...»), где в примечаниях неожиданно появляются еще несколько особо рекомендованных автором мыслителей из современников, после чего следует обращение к читателям о присылке ему «материалов» – собственных биографий и выдержек из работ.

Даже при беглом просмотре книги видно, что в изложении материала автор следует не столько продуманному плану, сколько намерению, которое ему кажется очевидным и понятным читателям. И отсутствие четкого плана сказывается на манере подачи материала – создается впечатление, что автор в поспешности сложил вместе листы бумаги, на которых прежде сделаны были выписки, следуя соображению, какой должна быть философия в России, сшил их в тетрадь и сдал в типографию. Однако, учитывая новизну предприятия архим. Гавриила, указываем на это обстоятельство не для критики, а для того, чтобы подчеркнуть особенности сочинения да и самого автора. Посмотрим, что определяло его воображение в момент подготовки и написания книги, попробуем реконструировать его соображения.

§ 2. Приемы «опытного душесловия» при определении характеров народов. Умозрительная психология: типы народов. Особый характер русского человека и своеобразная философия

При отборе материала для «Русской философии» – очень разнородного – основное влияние оказывала не философия, а идеология, точнее, официальная позиция Министерства народного просвещения, «доктрина» Уварова, получившая у архим. Гавриила своеобразное богословско-философское преломление, выраженное в форме нескольких «мифологем». Одна из них – «религиозность народа» как неизменное и исключительно положительное качество, что «доказывается» им посредством простого указания на своеобразный склад души, раскрываемой посредством «психологии», на тот момент исключительно спекулятивной и подкрепляющей свои суждения обращением к обыденному опыту. Автор исходит из того, что каждый народ имеет особенный характер, а соответственно и свою философию, «более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»¹. Развивая идею, что *народы имеют особенный характер*, архимандрит предлагает нам зарисовки типов людей в духе «Шестоднева» Василия Великого, только без зооморфной символики. От Василия Великого мы узнаем, что каждое животное отличается различными свойствами – «вол стоек, осел ленив, конь горяч в вожделении другого пола, волк не делается ручным, лисица лукава, олень боязлив, муравей трудолюбив, собака благодарна и памятлива в дружбе...», а от архим. Гавриила – уже относительно ряда народов: израильтян, греков, римлян, скандинавов, германцев, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, англичан и россиян – получаем не столь лаконичные, но все же красноречивые характеристики их породы, описание качеств, которыми они награждены от Создателя: «Если древний благочестивый Израиль, внимательный

¹ Гавриил, архим. Русская философия. Казань, 1840. С. 3.

ко гласу своего Господа, представляет нам символ совести, изрекающей нравственные начала для нашей деятельности, то нынешний Израиль, пораженный проклятием закона, скитающийся и трясущийся, есть представитель совести смущенной, рабского страха к закону <...>. Грек есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим <...> есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец – идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий, как, например, Беме, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Француз любезен, веселонаравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности <...>¹.

Современному читателю подобные «характеры народов» могут показаться наивными, а то и просто комичными, однако в описываемые времена это было совсем не так, более того, подобные суждения воспринимались как «точные», достаточно обоснованные. И примеров тому множество. Открываем, к примеру, «Летопись факультетов на 1835 год», изданную Галичем и Плаксиным, и из опубликованной там статьи «О причинах различия народов» многое что узнаем об *отличиях национального духа*². Вот хорошо знакомый нам Магницкий опубликовал в «Радуге» ряд статей. В одной из них, «Отломки от философского мозаика, степного отшельника, М. Простодумова, помещика с. Спасского, Саратовской губернии», он выступает против философии и науки без христианского начал (ибо «только одна религия есть аромат, предохраняющий науки от гниения»), также мы узнаем, среди прочего, что есть у философов отличия, обусловленные национальными характерами: «холодно-богохульная в Англии, затейливо-ругательная во Франции, грубо-чувственная в Испании, теософо-иллюминатская в Германии», всегда только тем и занимавшаяся, что «облекала ереси в новые формы». Вряд ли архим. Гавриил читал «Радугу», равно как и «Украинский вестник» за 1817 год, издаваемый Евграфом Филомафитским и Разумником Гонорским, где была опубликована статья Ильи Воронова «О причинах различия умственных и нравственных способностей», в которой отмечается, что если обратить внимание на образ мыслей и поступков людей, живущих в Европе в различных климатических условиях и формах правления, то можно «различить гибкий и между тем неосновательный характер французов от чувствительного и изнеженного характера итальянцев, пылкий и стремительный характер испанцев от постоянного и притом самомнительного характера англичан»³. Не известно нам, читал ли он «Панораму Парижа, или описание сего города и его достопримечательностей» Льва Цветаева, где есть замечательная глава «Характер, нравы и обычаи парижан», в которой даются зарисовки в жанре коллективной психологии того времени, когда пытаются дать портрет «типичного француза»: «Веселость, живость и ветренность – вот отличительные черты характера парижан и всех французов, как всем известно»⁴. А вот «Телескоп» архим. Гавриил точно читал, и несколько номеров его присутствуют в библиографии «Русской философии». В одном из его выпусков редактор Н.И. Надеждин, фигурирующий в истории архим. Гавриила среди «сильных русских самомыслителей», ординарный профессор по кафедре словесности Московского университета, поместил статью «Европеизм и народность в отношении к русской

¹ Там же. 1840. С. 3–4.

² Летопись факультетов на 1835 год, изданная в двух книгах А. Галичем и В. Плаксиным. СПб., 1835. Ч. 1. С. 11–113 (автор – П. П-рский).

³ Воронов И. О причинах различия умственных и нравственных способностей // Украинский вестник на 1817-й год. Часть шестая. Месяц июнь. Харьков, 1817. С. 263–264.

⁴ Цветаев Л.А. Панорама Парижа, или описание сего города и его достопримечательностей. М., 1806. С. 229–257; 2-е изд. М., 1822.

словесности»¹... А если обратим внимание на помещенную в «Ученых записках» Казанского университета работу Сбоева «Гносис и Гностики», то найдем в ней столь же образные представления сторон света и народов, там расселенных: «Гений Востока, грозный, фаталический, но живой и пламенный», который «создал себе религию мечтательную, безобразную, изуверную, свое богослужение кровавое и ужасное, свою характеристическую философию мрачную, возвышенно-дикую», «могущественный Рим», «пред любознательностью греков открылся новый мир», «истощенный умственными усилиями дух греческий ринулся в заветные страны Востока»².

Гавриил также охотно использует подобный прием представления национального своеобразия, только в контексте истории философии, характеристики наций, в виде их персонификаций, которые являются скорее персонажами, порожденными посредством приемов «опытного душесловия», чем иллюстрациями научных выводов.

В лекционных конспектах студентов Московской духовной академии начала XIX века, времен обучения там Василия Воскресенского, во введении в философию сразу после различения эмпирического и рационального познания и общего определения философии можно обнаружить «пролегомены или идею эмпирической психологии», и там отмечается, что ее объектом является «человеческая душа, что касается всех ее способностей, действий, условий и положения во всех различных и многообразных видоизменениях, в зависимости от природной конституции тела, способностей ума, возраста, пола, климата, государственного строя, религии, различных условий (жизни) и иных (причин)». Источником знаний для эмпирической психологии служат прежде всего «тщательные наблюдения» за собой и окружающими, а также рассказы других людей, сочинения, описывающие человека в различных ситуациях, такие как: произведения известных поэтов, описания путешественников, очерки характеров, биографии и т.д.³. Однако архим. Гавриил пишет в формате предельно упрощенного «опытного душесловия», когда о *свойствах души* рассуждали по *внешним проявлениям* (телесным, мимическим). В рекомендованном им списке литературы присутствует книга «Краткая психология, или учение о душе для детей» Кампе⁴, но почему-то не упомянута книга «Geschichte der Seele» («История души») Готтхилфа Генриха Шуберта, которую взял за основу Петр Семенович Авсенов, составляя конспекты для курса психологии в Киевской духовной академии, и представил нам образы народов, очень близкие к тем, что мы находим у архим. Гавриила. Так, представляя «частнейшие характеристики замечательнейших в истории человеческого рода народов», Авсенов пишет, что Испания «страна довольно гористая», и эта возвышенность местоположения делает характер жителей «возвышенным, гордым», в «религии они любят величие», и потому это «самые жаркие фанатики католицизма»; Италия занимает середину между Испанией и Грецией, а потому ее итальянцам «принадлежит середина между греческою живостью и гордостью испанцев»; Франция – страна умеренная, а потому здесь «холодная мысль находится в равновесии с чувством», «мысль француза берется за все, но ей не достает терпения проникать в глубочайшие основания предметов»; жители Англии «представляют собою пе-

¹ Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. № 1. С. 259–260.

² Ученые Записки, издаваемые Казанским университетом. Казань, 1839. Кн. I. С. 129–131.

³ Платонов Ф. Введение в философию (Introductio in Philosophiam Universam) 1820 г. Архив МДА. ОР РГБ 172/337. № 13. С. 16, 15.

⁴ Краткая психология, или учение о душе для детей. Сочинение славного г. Кампе. Перевод с немецкого [В.С. Подшивалова]. М., 1789.

ревес мысли над чувством: мысли, углубленной в саму себя», и «уединенность их острова и мрачность природы образовали в них характер меланхолический, самозамкнутый»¹.

Подобной «психологией» и довольствуется архим. Гавриил, его антропология, типы народов, поданы почти в стиле лубка. А еще лучше будет сравнить его суждения с популярными тогда представлениями «живые картины» – мизансценами на тему живописного полотна или скульптуры, когда героев показывают *костюмированные актеры на фоне декорации*. Для «живых картин» выбирали, к примеру, сюжет «Аполлон и музы» или «Моисей в пустыне», и во время представления участники под музыку выходили на сцену, располагались группой, соответствующей повествованию, и по команде замирали «как на картине», через минуту позы менялись, и возникала новая сцена на тот же сюжет, а потом еще раз, оживляя картину... У архим. Гавриила мы находим нечто подобное, только уже на страницах «Русской философии»: вот зарисовка «Француз» – он «любезен», раз, позы меняются, возникает новая сцена на тот же сюжет... «веселонравен», два, позы меняются – «переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности»... Далее представлен «Англичанин» – «еще по направлению Бекона, во всей деятельности ищет пользы», раз, позы меняются, возникает новая сцена на тот же сюжет – «одинаково к тому употребляя и скептицизм как у Юма», два, позы меняются – «и материализм как у Мильтона»...

Что касается русского человека, то на фоне других народов он обладает *исключительно положительными качествами*. Конечно же, не все современники придерживались подобного мнения, хотя и считали себя патриотами. Например, у Полежаева имелось стихотворение, ходившее в списках, – «Четыре народа» (1827)², где он кратко характеризовал европейские народы: британцев, французов, англичан и русских, причем последние у него выставлены в самом неприглядном виде, как покорные рабы... Можно также упомянуть и мнение Никитенко, в конце июня 1839 года побывавшего в избах крестьян Могилевской губернии, где дети в отрепьях, грязные, почти все страдают болезнью глаз, лица взрослых «безжизненны и тупы» и, судя по лицам, движениям, одежде, убогому убранству жилищ, все терпели крайнюю нужду, религиозные понятия имели самые примитивные, так что отправляясь в церковь говорили, что «идут молиться богам и божкам», а при виде незнакомого им Никитенко пара молодоженов упала на колени и пытались целовать ему ноги, от страха, что «господин может им «по ухам заехать»», после чего столичный визитер подумал: «Какую национальную философию можно вывести из наблюдений над человеком в России – над русским бытом, жизнью и природой? Из этого, пожалуй, выйдет философия полного отчаяния». Ну а архим. Гавриил описывает национальную философию, отличную от той, что пришла на ум Никитенко, выводя поочередно на сцену всемирной истории философии все достойные представления народов, чтобы под занавес явить главного героя – русского человека, истинного любомудра...

В изображении архим. Гавриила россиянин «богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с

¹ Из записок по психологии архимандрита Феофана Авсенева. Ч. 2 // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской Духовной академии... Киев, 1869. С. 134–139.

² Написано после того, как в 1826 году его отдают в унтер-офицеры в Бутырский пехотный полк по личному распоряжению царя за безобразия в виде написания поэмы «Сашка».

опытом»¹. Последнее положение доказывается им на примере... пословиц. Влияние ума на человеческую деятельность наш народ выражает любимыми «присловиями», такими как «Свой ум – царь в голове», «Хорош ум, а два лучше». Русский, по свидетельству архим. Гавриила, требует, чтобы всякая теория совершенно была согласна с опытом, что замечается им в присказках типа «Чего не видишь, о том и не бредишь»... При этом русский «никогда, подобно Декарту», не принимал сомнение за начало философии, хотя и допускает «испытание истины», внушая себе и другим *осторожность* при затруднениях. Особенное внимание ко «гласу разума и опыта» показала Россия при избрании веры и, приняв крещение, «русский ум покорился уму беспредельному», с тех пор любознательность и установило для себя новый закон: «рационализм, соображаемый с опытом, поверять через откровение», от чего оно никогда с тех пор не отступало².

Параграф 145-й посвящен выявлению отличия русской философии от философии прочих европейских народов, и здесь автор попросту заимствует фрагмент из речи ординарного профессора университета св. Владимира Ореста Новицкого «Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности» (с 327-й по 328-ю страницу)³. Идея, так понравившаяся архим. Гавриилу, что он почел ее как бы за свою и не стал ссылаться на Новицкого, указав его лишь в библиографии, – следующая. Поскольку философия есть развитие и уяснение движений сознания, а в нем проявляются лишь *три* существенных предмета: «я, или дух познающий, не-я, или мир, вне нас существующий, и Бог», «причина и конец всякой твари», то и главнейших направлений в философии должно быть столько же: 1) наукообразное развитие явлений и законов нашего познающего духа, 2) умозрительное и одновременно опытное развитие законов мира, вне нас существующего, и 3) сосредоточенность этих противоположных полюсов в их начале – Боге. Первое направление господствует в Германии, второе – в Англии и во Франции, однако ни то, ни другое неприемлемы для россиян из-за своей ограниченности. Лишь полагая в основание мышления «плодоноснейшие начала», философия может «счастливого избежать» тех односторонностей и заблуждений, которыми изобилует Европа. Как чистые теории идеализма, оторванные от опыта, так и только опыт, принятый за основу философии, приводят к выводам совершенно ложным, и даже в Германии лучшие умы осознают потребность не только соединения теории с опытом, но и высшего примирения их в верховном начале всякого бытия. При этом двух различных направлений к единой цели один и тот же народ не в состоянии выразить в одинаковой степени. А потому движение к абсолютной истине лучше осуществлять по «третьему пути» (или, как говорил в своей пропедевтике Сидонский, «срединному»⁴) – в философии это выпадает на долю тех, кто, «полагая краеугольным камнем философствования рационализм, соображаемый с опытом, завершает этот храм любознательности как бы светозарным куполом – откровением и преимущественно материю всех идей – понятием о Боге». И далее, прервав дословное переложение речи Новицкого, архим. Гав-

¹ Гавриил, архим. Русская философия. Казань, 1840. С. 5.

² Там же. С. 19.

³ ЖМНП. 1838. Ч. XVII. С. 229–329.

⁴ «На середине между богатым жизнью, но бедным собственной деятельностью Востоком и изыскательным, самостоятельным Западом, – мы, противопоставив сначала элемент неподвижности, впоследствии может быть через меру увлеклись силою быстротечного Запада. – Поймем свое значение, – удержим средину, которая указана нам природою. Познание природы человеческой, как развилась она доселе, должно предохранить нас от неумеренного стеснения ума и от безмерного послабления порывам своего воображения <...>». Сидонский Ф.Ф. Введение в науку философии. СПб., 1833. С. 314–315.

риил добавляет от себя: «Эта идея о Боге так одушевляет русского, что высший из вельмож и низший простолюдин не приступит даже к самомалейшему делу, не призвав божественного имени, не сказав: “Господи благослови!” – не освятив ума, сердца и всей деятельности знамением крестным»... Что тут сказать? Архим. Гавриил отчасти и прав, потому как при чтении этих строк мне сразу же вспомнилось одно место из мемуаров Греча, где тот рассказывал, как, проникшая в чужую квартиру пожить добром, русский мужик, перед тем как пробраться через окно, перекрестился и сказал: «Благослови, Господи!»¹. Ну а архимандрит доказывает эту истину и стихами Василия Жуковского, и народными пословицами, вроде «Бог не выдаст, свинья не съест» и т.п.

Верность своей характеристики «русского мышления» автор берется доказать не только поговорками и поэмами, но и «избранными местами русских философов», то есть *историей* отечественной философии, насчитывающей не менее семи столетий, поскольку любомудрие в отечестве начинается (для архимандрита) с принятия христианства. Более того, он даже в предшествующих народных верованиях нашел (а прежде работу в этом направлении уже проделал Глинка²) основания для национальной гордости по поводу особого устроения предков наших, славян, поскольку их языческое богоучение «совсем чуждо тех между богами пиров, тех распрей, тех пороков, тех отвратительных картин, каковыми, например, преисполнена мифология греков и каковые безобразят самое человечество». Одним словом, даже язычество наше было чище, чем у греков. Но точкой отсчета для пришествия любомудрия у архим. Гавриила является *принятие христианства*, и потому философия у нас «одолжена своим вышним местом в русской иерархии». С их помощью мы полюбили *Платона*, в то время как Запад, олицетворяемый Римом, «похитивший у Византии ее книжные сокровища и принявший бегущих от турок греков», предпочел «диалектические тонкости» *Аристотеля*, вследствие чего увлекся схоластикой, этой формальной видимостью разыскания истины.

Историю русской философии архим. Гавриила можно сравнить с *неорамой*, если подобрать уподобление, помогающее понять композицию и замысел его сочинения. Это было еще одним очень популярным в то время представлением, так что даже Бурачек в своем «Маяке» назвал раздел, где давал обозрение событий и явлений, достойных просвещенного человека, «неорамой» (род панорамы, представляющий зрителям внутренность какого либо из известных храмов). Вот и «Русская философия» архим. Гавриила – своеобразная «неорама», являющая нам величественный храм отечественного любомудрия, внутри которого – вереница из духовенства и государственных служащих, над которыми витает стая голубей, в подвешенной золотой клетке – Сова Минервы, наверху – Всевидящее Око, и если в начале вереницы – принятие христианства, то в конце – императорский трон, и на всем протяжении процессии – портреты правителей.

§ 3. Пантеон отечественных любомудров

Автор «Русской философии» исходит из того, что «особенное внимание ко глазу разума и опыта показала Россия при избрании веры» (§ 142), и с тех пор русский ум покорился «уму беспредельному», так что с сих пор «любомудрие поставило для себя новый закон: рационализм, соображаемый с опытом, поверять чрез откровение; и никогда оно от сего закона не отступало». А по-

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 36.

² Глинка Г.А. Древняя религия Славян. Митава, 1804.

тому русская философия своим развитием обязана духовенству, как своему, так и отчасти греческому, первоначально занимавшему высшие места в русской иерархии (§ 146). Первым нашим наставником в любомудрии оказался, при таких допущениях о сущности философии, присланный константинопольским патриархом Никифор – родом из греков, «архипастырь кроткий, ученый, неоплатоник», который в подражание святым отцам, обретя обширные познания во всех науках, «поверг их в сокровищницу церкви», явил учение свое в посланиях «О латинах, как они отверглись от восточной церкви» и «О посте», адресованных князю Владимиру. На этом ученичество наше и закончилось, поскольку последующие персонажи повествования демонстрируют образцы зрелого любомудрия. Уже Владимир Мономах, у которого «слезы обыкновенно текли из глаз», когда он молился Вседержителю за отечество и народ, проявил особый склад души в поучении к детям, на которое нам рекомендуется взирать не иначе как на «символ общенародного русского любомудрия». Далее идет Даниил Заточник, философия которого «носит на себе видимую печать опытной Соломоновой премудрости», для иллюстрации которой автором используется большой отрывок из «Моления» (опубликованного, кстати, Карамзиным в примечаниях к своей «Истории государства Российского», которую наш сочинитель читал). Наследника Соломоновой премудрости сменяет Нил Сорский, представляемый как «мистик высшего разряда», после него выступает Феофан Прокопович, затем Георгий Конисский, особенным методом которого было изъяснение слушателям истин разума подкреплением их «весьма прилично мнениями Св. Отцов, чтобы надежнее предохранить юных, неопытных мыслителей от лжеумствований суетных и опасных». После белорусского архиепископа появляется малоросс Григорий Сковорода, уже в молодые годы удачно сочетавший религиозность с идеями германской философии», и архим. Гавриил отводит ему аж семнадцать страниц своей истории! После этого страстного подражателя Сократа автор предлагает нам «подышать сколько-нибудь воздухом русского Платона» в лице Платона (Левшина), митрополита Московского, из многочисленных сочинений которого, помимо проповедей, особо выделяются краткое богословие и катехизис, инструкция благочинным, увещание раскольникам. Далее идут такие церковные чины, как Евгений (Болховитинов) – митрополит Киевский и Галицкий, Филарет (Дроздов) – митрополит Московский. Из философских статей последнего особого замечания удостоилось «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с французами 1812 года», которым архим. Гавриил отвел десяток страниц своего сочинения. К философской эту работу можно отнести с большой натяжкой, однако в ней есть раздел, поясняющий самую суть государства и обосновывающий верховную власть – она действует по внушению воли и разума Всевышнего, во благо подданных.

Из лиц духовного звания представлен также Иннокентий (Борисов), епископ. С ним пути автора «Русской философии» также пересекались, как и с предыдущим героем повествования¹. Согласно свидетельству заштатного тверской епархии священника Псковской губернии села Буяги Якова Морошкина², 8 февраля 1825 года он, в бытность свою студентом Александровской академии, встретил у Фотия в компании «ученых монахов» и иеромонаха Гавриила, и Иннокентия (Борисова), двумя годами ранее прибывшего из Киева

¹ Напомню, что депутатом от Орловской епархии наш автор присутствовал в 1826 году на коронации Николая I, когда пред вратами Успенского собора Филарет приветствовал одиннадцатого государя Всероссийского на ритуал «венчания на царство» с чином миропомазания, «в котором сообщалась благодать Святого Духа для укрепления ответственности монархов в выполнении ими высшего служения на земле».

² *Морошкин Я.Л.* Архимандрит Фотий настоятель Новгородского Юрьева монастыря. Воспоминания священника // Русская старина. 1876. Т. XVII. С. 297–316.

и определенного инспектором семинарии, а затем и бакалавром в академии. И вот § 165 посвящен именно ему, епископу Чигиринскому и Киевской метрополии викарию, из сочинений которого, с точки зрения архим. Гавриила, достойны замечания многие богословские работы, а из философских статей он представляет «О неологизме или рационализме», фрагменты его уроков по обличительному богословию... Примечательно, что в то время как в «Русской философии» полностью воспроизводится «неологизм» в версии Иннокентия, в Петербургской духовной академии «специальной своей задачей» ректор Смарагд (Кржижановский) считает именно истребление появившегося между студентами вольнодумства – богословского рационализма, заимствованного из протестантской среды. По мнению тогдашних ревнителей благочестия, именно Иннокентий своими яркими лекциями уклонил студентов от православия, вследствие чего митрополит Серафим и велел Смарагду обратить особое внимание на возвращение «заблудших овец на путь истинный». Тот же, узнав, что новая ученая ересь проникает в наши края из Германии, завидев у студента книгу на немецком языке, независимо от содержания, непременно выхватывал ее из рук учащегося и швырял на пол¹. И вот, словно желая досадить Смарагду, архим. Гавриил включил в «русскую философию» этот образец богословской «ереси», причем в большом объеме.

Итак, как мы увидели из этого обзора, «русская философия» в версии архимандрита Гавриила избобилует *церковными иерархами*. Но были в ней и светские лица – пред читателями «Русской философии» чинно проходят ученые люди: Дмитрий Сергеевич Аничков, профессор логики, метафизики и чистой математики; Андрей Михайлович Брянцев, профессор философии; Данило Велланский, Александр Галич – последователи Шеллинга; Гавриил Солнцев, философ-юрист, на изложение учения которого автор не пожалел четырнадцати страниц. Из мыслителей, чья принадлежность к философии мало у кого вызывала в то время сомнение, мы находим еще (хотя лишь в пространных примечаниях) Лубкина, Надежина, Карпова, Сидонского, Сбоева и Кедрова. А вот своих академических наставников Кутневича и Голубинского он упоминает только в разделе рекомендуемых учебных пособий (§ 166) как авторов «записок по классам философских наук».

Также в число *русских* любомудров попадали иностранцы. Например, в § 159 речь идет о немце Иоанне Феофиле Буле (прожившем в России десять лет), с 1804 года занимавшем кафедру философии в Московском университете (до 1811); о другом он пишет в четвертой сноске к последнему параграфу: католик Адам Андреевич Фишер, коллежский советник, произведенный в ординарного профессора Петербургского университета в 1832 году и вскоре после восшествия на должность министра Уварова в начале своего курса заявивший, что основания философии суть священное уважение к религии, непоколебимая верность к монарху и безусловное повиновение существующим законам.

Оказался среди наших любомудров и тайный советник Михаил Никитич Муравьев, написавший три тома «прекрасных прозаических статей в пользу великих князей», которым он преподавал нравственность, русскую словесность и историю России, а потому его сочинения представляют пример «слога исторического и дидактического». Но более всех нас изумляет оказавшийся здесь министр народного просвещения Уваров, относительно которого сказано, что «основательное ученое воспитание в родительском доме, уединенная кабинетная жизнь, чтение лучших писателей на всех языках, собеседование с просвещеннейшими людьми из всех наций, собственные, отличные, умственные

¹ *Ростиславов Д.И.* Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. Июль. С. 233.

способности и любовь к наукам... поставили его выше многих Несторов европейского ученого мира», и после такой характеристики читателю предлагалось ознакомиться с тем, как сей «гений любомудрствует о языках».

Примечательно, что все мыслители представляются автором также и согласно их месту в «Табели о рангах»: (§ 156) Аничков, надворный советник; (§ 157) Брянцев, статский советник, ордена Св. Владимира 4-й степени кавалер; (§ 158) Муравьев, тайный советник; (§ 159) Буле, коллежский советник. Даже в примечании к § 162, куда автор поместил Галича, он считает нужным указать, что тот «пожалован коллежским советником 1825 г. декабря 30». В этом отношении «Русская философия» архимандрита Гавриила выглядит, как адрес-календарь – издаваемая ежегодно роспись должностных лиц в государственных учреждениях, духовном ведомстве и т. п., только здесь основанием для включения в список было любомудрие, усмотренное автором в их деятельности.

Оказались в компании с любомудрами и проживающие рядом с автором, так сказать, соседи. Например, Федор Сергеевич Надежин, который с октября 1833 года был определен учителем философии в Нижегородскую духовную семинарию, «где и до сего времени учительствует». Обладая рукописями последнего, архим. Гавриил решает представить его «Введение в учение о религии». Надежин, назначенный учителем вместо Лебедева, подавал в Петербургскую духовную академию (откуда вышел кандидатом) три своих сочинения для получения степени магистра, но так и не удостоился искомого звания¹. Зато Гавриил придал значение его труду, найдя автору рукописей подходящее место в своей «истории». Как «заволжский муравей», он все задействовал для постройки своего «храма любомудрия». Из ближайших соседей – и Гавриил Ильич Солнцев, из бывших казанских преподавателей, а в рассматриваемое время уже губернский прокурор. Также из местных – в седьмой сноске к § 166 причислен к числу ученых, занимающихся разработкой отдельных частей философии и ее истории, Василий Афанасьевич Сбоев, титулярный советник, учитель церковной истории и греческого языка в Казанской духовной семинарии. Со своей стороны отметим, что еще в 1836 году указанную семинарию посетил Мусин-Пушкин, специально зайдя на лекцию Сбоева – тот славился эрудицией и красноречием, а попечитель подыскивал, кого бы ему еще пригласить в университет за недостатком кадров, особенно болезненно ощущаемым после введения нового Устава. Упоминается архим. Гавриилом еще один житель Казани – поэт Гавриил Романович Державин, долго проживавший здесь и не прервавший связей с городом и после отбытия в столицу... Передавая диалог с воображаемым слушателем, автор «Русской философии» вкладывает в его уста суждение, что ода Державина «испещрена познанием философских систем». Не сказано, правда, какая именно, но скорее всего «Бог». Однако если посторонний философии поэт Державин все же лишь мельком упомянут, и потому своим присутствием никого не удивляет, то вот что делает в «Русской философии» Петр Сергеевич Кондырев, трудно сказать. О нем автор посчитал нужным сообщить лишь, что тот в 1807 году окончил курс наук в Казанском университете; через два года получил степень магистра словесных наук, в 1814 году определен экстраординарным профессором исторических наук и политической экономии. И все, более ни слова.

В конце примечания к § 166 архим. Гавриил называет еще несколько современников, «сильных русских самомыслителей» – Ивана Ивановича Ястребцева,

¹ О первом его сочинении «Жизнь Св. славного пророка Или» Академия в марте 1837 года писала, что конференция не нашла в названном труде собственно научных достоинств, так как этот труд справедливее можно назвать только распространенным повествованием о жизни пророка, а не ученым рассуждением: *Тихов А.И.* Нижегородская духовная семинария в 1818–1840 гг. Нижний Новгород, 1905.

Николая Ивановича Надеждина, Николая Алексеевича Полевого. Следует отметить, что слово «самомыслитель» заимствовано им, равно как и другими отечественными философами того времени, из немецкого языка – *der Selbstdenker*, и употребляется еще в первом томе истории философии, в таком словосочетании, как «философ самомыслитель», в частности, когда он рассуждает о методе преподавания (§ 5): «дабы читатель истории философии мог поставить себя на ту же точку воззрения, на которой стоял философ самомыслитель, и оценить достоинство трудов его без всякой несправедливости». Данный термин широко использовался в России в разных значениях, причем прямо противоположных. Например, негативное значение мы найдем в «Радуге», где подобный тип воспринимался как носитель сознания, уповающий на собственные силы и утративший тем самым возможность познания истины, потому как она дается лишь тем, кто укрепил свой разум верой¹. А вот у Сидонского в его «Введении в науку философии» это состояние ума определяется уже как положительное качество, поскольку «философ самомыслитель» – это тот, кто в состоянии «гораздо больше удаляться от обыкновенного смысла человеческого, чтобы открыть несколько взглядов новых»².

Использовал автор в качестве «материала» не только местных жителей, принадлежащих университетской и духовной среде, но и даже визитеров Казани, например, поэта Жуковского, сопровождавшего в 1837 году наследника престола, процитировав его «Певца у станы русских воинов» (1812). Последнее событие – Отечественная война – также нашло отражение в сочинении. 26 августа 1839 года на курганной высоте Бородинского поля открыли памятник генеральному сражению Отечественной войны (чугунную восьмигранную столпообразную часовню, венчаемую позолоченной главой и крестом), и это событие, где присутствовали император и митрополит, во всех деталях осветили в прессе. В «Русской философии» мы читаем, что война 1812 года (которую архим. Гавриил застал, будучи студентом Славяно-греко-латинской академии) дает нам безусловное свидетельство неизменности «коренных начал русского мышления», демонстрируемых «державным русским умом» в лице императора Александра Благословенного (§ 143). Тут самое время перейти нам к особому рассмотрению используемых автором материалов и приемов работы.

§ 4. Материал и приемы работы

Говоря о «Русской философии», мы должны помнить, что не так много времени прошло с тех пор, когда в образовательном пространстве стало нормой *академическим* философам писать и говорить на русском языке. Приводя в § 153 фрагмент из «любопытного памятника философских трудов» Георгия Конисского, где «есть полная система любомудрия», архим. Гавриил делает выписку из его рукописного руководства на *латыни*, без перевода, предполагая, что это не станет препятствием для читателей: “*Philosophia iuxta numerum IV facultatum quadripartita, complectens Logicam, Metaphysicam, Phisicam et Ethicam, anno 1749 in Academia Kiioviensi per digniss. Academiae Praefectum, patrem munificentissimum, Doctoremque ad cineres colendissimum Georgium Konisky*” («Философия, разделенная на четыре части по числу 4-х факультетов, содержащая логику, метафизику, физику и этику...»). Автор «Русской философии» сам слушал лекции по философии на латыни и на ней же вел все богословские классы.

При составлении своей истории любомудрия архим. Гавриил использовал и то, что заметил пригодного в журналах и книгах, оказавшихся рядом (как,

¹ Радуга. 1832. Кн. 1. С. 6, 8, 19, 24, 59 и др.

² Сидонский Ф.Ф. Введение в науку философии. СПб., 1833. С. 393.

например, выписываемый университетом «Журнал Министерства народного просвещения»), а все, что находилось далеко, за пределами Казанской епархии, к доставлению того не прилагал особых усилий, не привлекал в дело и не высказывал особого сожаления, словно следуя принципу «роптать – Бога гневить». А потому для восполнения пробелов, в компенсацию недостатка материала, он использовал порой тексты и события, не имевшие к задуманному делу ни прямого, ни косвенного отношения. Вот, к примеру, по прибытии в Казань он первое время нес послушание в виде миссионерской деятельности, благодаря чему в «Русской философии» появился параграф, где читателю сообщается о «доньине существующем в России необразованном народе» – чувашах. Этот параграф (141) он вставил, чтобы показать, до какого чудачества и нелепиц доходит народ, если верует «неправильно», почитает не тех богов. Однако сам автор, пытаясь представить историю любомудрия, в основе которой истинное богопознание, часто демонстрирует чудачества не столько языческие, сколько ребяческие. Так в первом примечании к § 147 (где вслед за наставниками веры, Кириллом и Мефодием, выходит на сцену Иоанн Экзарх (Экзарх) Болгарский), изложив философские идеи «Шестоднева», архимандрит делает такое вот примечание, из-за которого сам выглядит как «чувашинский иомся», колдун (жрец), описанный им в насмешливом тоне несколькими страницами ранее: «Ласточки, кроме примера представляемого Иоанном, зацепляясь ногтями одна за другую, а первая за нитки, при берегах речных, почти в воде вереницами зимою замирают, а весной оживают. 2. Жуки, на языке Экзарха и малороссийском, *жупельци*, в навозе зимой кладут яйца, из яиц рождаются черви, черви обращаются в куколки, из куколок опять выползают жуки. 3. Орешниками, по Экзарху моокос, а сокращенно мокос – называются хомяки, кроты и хорьки, потому что они заготавливают в своих норах значительное количество орехов. Подобным образом обмирают зимой и оживают весной тушканчики, горные кролики, свистунчики, суслики. 4. Вихорь, дикий голубь, у Экзарха называется *Фаса птица*. А о мирадах насекомых, между зимней и летней рамами во время стужи засыпающих, и при теплом комнатном воздухе, особенно же весной оживающих, кто не знает?»

В конце своего примечания к § 166 автор признается, что изложению не только русской, но и «вообще всех народов философии в обширнейшем размере и сокращении» он посвящает весь свой досуг и потому завершает книгу обращением, из которого виден бесхитростный способ компоновки им текста: «Торжественно просим всех любезнейших и просвещеннейших русских мыслителей доставить нам их биографии и очерки, или по крайней мере лучшие места из их сочинений, дабы издаваемая нами история русской философии была вместе и хрестоматией наук философских». «Русская философия» таковой и получилась: краткие биографии мыслителей и очерки их учений, местами вставки «лучших мест из их сочинений», отчего в итоге под одной обложкой получились и «история любомудрия», и краткая «хрестоматия наук философских» (фрагмент из «Моления» Даниила Заточника, из трактатов Феофана Прокоповича и Георгия Конисского, «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с французами 1812 года» Филарета (Дроздова), фрагменты из сочинения Даниила Велланского, Гавриила Солнцева и Иннокентия (Борисова)). Помимо вставок – больших по объему, но с указанием автора, – у архим. Гавриила обнаруживается компиляция, использование чужих работ с минимальной обработкой, а иногда дословное копирование без указания автора и источника.

Поскольку он использовал лишь то, что случайно оказывалось под рукой, игнорируя «далекое», хотя и не менее, а порой и более пригодное, его сочинение получилось неровным и по объему разделов, и по материалу. Так в

библиографии находим упоминание работы «Кант из записок Шталь в Мнемозин» – статьи Жермены де Сталь на страницах «Мнемозины», а также еще несколько ее публикаций (появившихся стараниями переводчика Боровкова), в которых содержались рассуждения на актуальную для архим. Гавриила тему¹. Тут многое можно было бы почерпнуть для «Русской философии» интересно, в том числе и суждения Ж. де Сталь о русских. Из-за преследования швейцарских властей, действовавших по указанию Наполеона, мадам де Сталь вынуждена была в 1812 году снова эмигрировать в Англию, только окольным путем – через Австрию, Швецию и Россию (Житомир, Киев, Москва, Петербург и др.). Результатом такой поездки стала книга «Десять лет в изгнании» («Dix années d'Exil», 1821), а посещение наших краев описано во второй части – «Путешествие по России». В мадам де Сталь Пушкин увидел редкий образец иностранного писателя, который выработал благородную и приличную позицию по отношению к России: «Из всех сочинений г-жи Сталь книга «Десятилетнее изгнание» должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, – все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины»². И если бы архим. Гавриил добрался до этой книги, то нашел бы там много ценного для своего труда, чему примером служит хотя бы такое суждение: «Гибкость их природы делает русских способными подражать во всем. Сообразно с обстоятельствами они могут держать себя как англичане, французы, немцы, но никогда они не перестают быть русскими, т. е. пылкими и в то же время осторожными, более способными к страсти, чем к дружбе, более гордыми, чем мягкими, более склонными к набожности, чем к добродетели, более храбрыми, чем рыцарски-отважными, и такими страстными в своих желаниях, что никакие препятствия не в состоянии удержать их порыва»³. Конечно, не все суждения о качествах русского человека ему понравились бы, однако это дало бы повод хотя и к заочной, но полезной полемике: «Русские слишком страстны, – замечает Жермена де Сталь, – чтобы любить отвлечённые идеи; их забавляет лишь то, что налицо, и у них не было еще ни времени, ни желания обобщить наблюдения мыслью. Да к тому же весьма опасно высказываться в этом великосветском, близком ко двору, обществе, где все наблюдают друг за другом, где так часто друг другу завидуют. Молчание Востока заменили здесь слова любезные, но пустые и поверхностные. Эта атмосфера блеска и веселья может пленить, но лишь... на мгновение; она не воспитывает человека, не развивает его дарований. Люди, которые так проводят время, не приобретают способности ни к труду умственному, ни к другим занятиям. Совсем не то встречала я в парижском обществе. Людей благородных и образованных объединяют беседы либо деловые, либо остроумные»... Но вме-

¹ О философии англичан. Из сочинения Сталь-Голштейна (перевод с французского, СПб., 1819); О философии французов. Перевод с французского соч. Сталь-Голштейна (СПб., 1820); *Сталь-Гольштейн. О значительнейших философах, бывших прежде и после Канта // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. № 9.*

² Страницы, посвященные Финляндии, были переведены на русский язык с французского Мухановым, адъютантом генерал-губернатора Финляндии Закревского, и опубликованы в «Сыне Отечества (1825, № 10) – «Отрывки Г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями». Муханов напечатал не только свой перевод, но и снабдил его своей статьей по поводу публикации этого фрагмента книги. На защиту де Сталь встал Пушкин. В своей статье «О Г-же Сталь и о Г.А. М-ве», опубликованной в «Московском телеграфе» (1825, № 12), он отмечает, что де Сталь верно угадала и нашла тон, в котором было прилично писать о впервые увиденной стране.

³ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 30–31.

сто того, чтобы заполучить тексты мадам де Сталь, изучить их содержание и с пользой употребить для своего сочинения, архим. Гавриил обошелся лишь библиографической строчкой.

Но особенно странным кажется тот факт, что архим. Гавриил вообще никак не упомянул такого авторитетного автора духовно-академической мудрости как Симеон Полоцкий. Как он мог про него забыть? Ведь это его прах погребен в соборе «законоспасской академии», где семь лет проучился автор, и уже сам «Епитафион», начертанный на стене храма, был готовым наброском к изложению идей Полоцкого: «Муж благоверный, церкви и царству потребный», создавший «мудрые книги» «в научение роду российску», среди которых названы его богословские и полемические сочинения, проповеди и книги стихов: «Жезл правления», «Венец веры кафолическия», «Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтирь рифмотворная», «Рифмологион» и др. Была там же, как мы помним, еще одна памятная табличка по усопшему, почти готовый конспект к изложению его учения – длинная эпитафия Софрония Лихуда брату Иоанникию, одному из основателей академии: «О путнице, что мимо идещи? Стани, прочитай. Воззри на медную победительную дщицу. Се, лежит здесь человек Божий, Ангел Восточныя Церкви... Иоанникий сей иеромонах, Философии же и Богословии Еллински же и Латински, Учитель Лихудий»... Но архим. Гавриил напомнил о них своему читателю лишь строчкой в рекомендованной литературе, указав в разделе «Логика»: «Диалектика и логика на греческом и латинском языках Иоанникия и Софрония Лихудов, рукопись 1700»... А Симеону Полоцкому и здесь не нашлось места.

Среди тех, кто не попал в сонм отечественных Любомудров, но о ком он вспомнил, – Голубинский. Задумав напечатать свою работу отдельным изданием, архим. Гавриил направляет ему 24 ноября 1839 года соответствующее письмо: «Милостивый мой государь Федор Александрович! По образованию многих новых философов, по запискам Вашим, по занимаемому месту, Вы неоспоримо принадлежите истории философии. Оканчивая Историю русской философии и приготавливая ее к пространнейшему и новому изданию Истории философии я прошу Вас прислать мне Вашу биографию согласную с формуляром, а также философский отрывок вашего сочинения, который бы по крайней мере составил четверку или полулиста (чем больше, тем лучше), для помещения в Истории. Я мог бы это же покончить и без Вас: но это будет совершенно, если Ваша воля укажет мне лучшее...»¹. Но, не получив ответа, архим. Гавриил так и оставил Голубинского в библиографическом примечании.

Он сделал тринадцатистраничную вставку из курса обличительного богословия Иннокентия (Борисова) («О неологизме и рационализме»); в параграфе, посвященном Георгию Конисскому, привел фрагмент из «любопытного памятника философских трудов его», при этом почему-то совершенно проигнорировал собрание сочинений². Даже далекий от этой сферы Пушкин отметил то издание рецензией в «Современнике», что, в свою очередь, отмечено было Белинским, зато оказалось совершенно вне поля зрения архим. Гавриила³. Далее мы снова замечаем большую вставку при изложении жизни и учения Сковороды, для чего материал заимствуется из работы Хиждеу, а параграф, посвященный выявлению отличия русской философии от философии «прочих европейских народов» (145), содержит две страницы, заимствованные без изменений из торжественной речи Новицкого.

¹ ОР РГБ. Ф. 76. Голуб. II. Карт. 7. Ед. 7. В письме ошибочно указан год 1829-й.

² Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского, изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. Часть вторая, СПб.: Печатано в типографии Императорской Российской Академии, 1835.

³ Несколько слов о «Современнике» // Молва. 1836. № 7. С. 3–12.

Обратившись к памятникам древнерусской письменности, архим. Гавриилу также не пришлось проводить самостоятельных изысканий, поскольку в этой области потрудились подопечные князя Румянцева: еще в 1821 году К.Ф. Калайдович, историк, археолог, филолог, археограф, исследователь древнерусской и славянской письменности, издал «Памятники российской словесности 12-го века», куда вошли творения Кирилла Туровского, «Послание» митрополита Никифора Владимиру Мономаху; он же открыл личность Иоанна Экзарха Болгарского и изложил в 1824 году его «Шестоднев». Удачно дополнил «Русскую философию» и вышедший в 1825 году перевод на русский язык книги Добровского о Кирилле и Мефодии, осуществленный членом того же кружка Погодиным. И когда в § 139 архим. Гавриил демонстрирует, как «влияние ума на всю человеческую деятельность русский народ выражает любимыми присловиями», то и в этой области для него уже готово соответствующее пособие¹. Это была первая работа о пословицах, большое и обстоятельное исследование, автор которого тесно увязывал пословицы и поговорки с русской историей, с эволюцией права, выделял пословицы общие (отображающие коренной характер народа и всем известные события) и местные (локальные происшествия и случаи). Все перечисленные выше пособия архим. Гавриил активно использовал, не всегда прямо упоминая их, в лучшем случае указав автора в библиографии. Примечательно, что один из них – Иван Снегирев, не упомянут даже и там. А ведь в свое время это был активный член «румянцевского кружка» – в 1822 году он сблизился с Погодиным, в тот же круг был вхож и архим. Гавриил, тогда еще Василий Воскресенский. В 1828 году Снегирев был назначен в Московский цензурный комитет. В этом качестве он и получил ученый труд настоятеля монастыря и профессора Казанского университета.

К книге архим. Гавриила вполне применимы критические замечания Белинского, сделанные им по отношению к другому труду – «Начертанию русской истории для училищ» Погодина: «Мы едва верили глазам своим, – восклицает Виссарион Григорьевич. – Эта книга решительно недостойна имени своего автора... Одно ее разделение на периоды... ясно показывает, что она составлена слишком на скорую руку... Мы слишком далеки от того, чтоб думать, что г. Погодин не был в состоянии написать не только порядочной, но и хорошей учебной книги; мы скорее готовы подумать, что он не хотел этого сделать и что причина совершенной неудовлетворительности его сочинения заключается в крайней невнимательности и поспешности, с какою оно составлялось. Это доказывает все: и отсутствие хронологии, без которой учебная книжка есть фантом или образ без лица, и параграфы в несколько страниц без перерыву, и самый язык, неправильный и необработанный, общие места и неопределенность в выражениях»². К замечаниям Белинского следует добавить еще несколько.

Автор «Русской философии» сверх меры эмоционален, порой даже в сугубо технических разделах. Так в § 166 («Руководственными книгами для изучения философских наук») он замечает, что если «выбросить отраву Канта из учебника Теннеманова», то книга Надежина окажется лучшей и полнейшею, нежели немецкая. Но многим нравится отравка!». Книга архим. Гавриила больше похожа на эпос, на сказание о русском любомудрии, а не изложение систем философии в их исторической изменчивости, чему находится логическое обоснование. В § 146 он сбивчиво, как это у него часто бывает, убеждает читателей, что «система не есть философия; система есть частная оболочка или одежда

¹ Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831. Кн. 1–2.

² Начертание русской истории для училищ. Сочинение профессора Погодина. Москва. 1835 // Молва. 1835. Ч. X. № 36.

философии, в своем устройстве совершенно зависящая от личности мыслителя философа, являющаяся и мгновенно исчезающая, столь же мало и шатко выражающая дух философии, сколь мало Иван, Петр, Федор изображают идею человечества». Поскольку наука умозрения заключается «преимущественно во внутренней жизни человечества», то философы «могут существовать во всяком народе, хотя бы и не было систем философских». Тем не менее архим. Гавриил все же обнаруживает в наших краях *системы* и призывает соотечественников прочитать «лучшие места» из отечественных примеров. Но все же представленные им экземпляры оказываются не совсем удачными, поскольку и у самого автора нет системы. Вместо нее есть лишь *установка сознания*, в основе которой *схема*, официально представленная Уваровым в виде «охранительных начал»: православие, самодержавие, народность. В итоге под названием «Русская философия» получилась скорее бессистемная хрестоматия, составленная в едином эмоциональном порыве из случайных текстов, с комментариями то скупыми, то восторженными и пространными, предваренная сумбурным введением, в основе которого идеологема от министра народного просвещения да сугубо богословское воззрение на философию, согласно которому она есть искание Бога иными путями.

§ 5. Источники «вдохновения» архим. Гавриила

В своем «Введении в философию» Карпов признавался, что россиянам нужна философия «отечественная, оригинальная»¹, но одного этого заявления было недостаточно, чтобы архим. Гавриилу взяться за соответствующий труд, да и книга Карпова появилась в один год с его работой. Посмотрим внимательнее, что происходило в те годы в отечестве, что могло навести архим. Гавриила на мысль о необходимости написания истории *русской философии*.

В 1837 году учитель Нижегородской семинарии Надежин издает в Петербурге свой «Опыт истории философии по Рейнгольду», подытожив его следующим наблюдением, основанным на обзрении философии последнего периода: наилучшим образом она проявила себя в Германии, Англия богата богословской литературой, но нет и признака философской системы, во Франции она представлена одним аббатом Ботенем, а в нашем отечестве ее лишь преподают, выбирая материал большею частью из немецких источников. При этом Надежин все же отметил, что у нас имеется «росток русской народной философии, русский Сократ» – Григорий Сковорода². Однако изучение литературы того времени показывает, что об этом «самобытном ростке» прежде Надежина поведал уже хорошо известный нам Краевский в «Обзрении русских газет и журналов за первую половину 1835 года». Ну а все прочее в книге Надежина излагалось «по Рейнгольду», и для «Русской философии» ничего полезного она не содержала.

У архим. Гавриила как в направлении мыслей, так и оборотах речи, в потоке сознания и всплесках образности можно обнаружить много схожего со стилем Магницкого, с его соображениями о любомудрии, представленными в ревельской «Радуге» в 1832 и 1833 годах. Однако вряд ли эти номера малотиражного журнала дошли до Казани, хотя, как знать, ведь среди его подписчиков были и казенные учебные заведения, чему поспособствовал министр народного просвещения кн. Ливен, издав соответствующее распоряжение, чтобы поддержать собрата по Библейскому обществу. Но в списке использованной литературы этот журнал не указан, из чего не следует, что автор «Русской фило-

¹ Карпов В.Н. Введение в философию. СПб., 1840.

² Надежин Ф.С. Опыт истории философии по Рейнгольду. СПб., 1837. С. 237–238.

софии» не читал его, но, зная про опалу Магницкого, он мог и избегать прямого цитирования. Зато в § 166, содержащем необходимые пособия для изучения философских наук, он перечисляет: «О философии» Максимовича (Телескоп. 1833. № 12); «О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия» Фишера (ЖМНП, январь 1835); «О связи философии с историей» (без указания автора, ЖМНП, сентябрь 1837); «Об упреках, делаемых философии в творческом и практическом отношении» Новицкого (ЖМНП, февраль 1838); «О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях» Михневича (ЖМНП, февраль 1840); «Общий чертеж наук» Павлова (там же); «О философии» Бакунина («Отечественные записки». 1840. № 4); Ботен в изложении Краевского (ЖМНП, март 1834). Судя по этому списку, он внимательно изучал содержание выходящих журналов, которые мог получить в университетской библиотеке, где кроме профессорского читального зала существовала еще и особая комната для просмотра периодических изданий.

Перечисляя источники, указав, в частности, на работу Михневича¹ о греческой философии, архим. Гавриил восклицает: «Достопримечательные слова Михневича: настоящее состояние ума нельзя назвать чисто естественным. После того, как учение божественного откровения распространилось в человеческом роде, естественный свет умов конечных слился с сверхъестественным светом ума бесконечного, и нам трудно теперь с точностью знать, где действует в нас Бог и где человек сам собою». Ну а мы также раскроем этот номер, где высказана идея, вызвавшая сочувствие архимандрита. В статье «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношении» Михневич задается рядом вопросов: что сделали греки и какой был результат их действий? как далеко простирались их познания и какое влияние они имели на нравственность, религию и философию?.. Отдав должное языческим мудрецам, он переходит к рассмотрению успехов христианской философии и считает необходимым предупредить читателей, чтобы они не забывали, что у философов имеется два начала: «закон неписанный, природный, закон ума» и «закон писанный, положительный, закон Откровения», и потому следует нам поминутно сверяться с тем и другим. Но если кто будет руководствоваться только одним из законов, то он или «разрушит все для своей философии, или уничтожит саму философию». Для Михневича только та философия вводит в святилище истинной мудрости, которая исходит из ума, *не удаляясь при этом от Откровения*. И только такая философия – «по духу нашего любезного отечества, той Святой Руси, которая издревле чуждалась мудрости ума, несогласных с заветными истинами веры. Она – по намерениям нашего августейшего монарха, который, желая утвердить благоденствие мудро управляемого им народа на незабываемых основаниях, с отеческою заботою печется о том, чтобы гордый ум человеческий не возгордился на разум Божий, а пребывал в должном послушании, вере. Она, наконец, – по свойству самого дела, то есть по духу и смыслу этой науки, которая всегда была и не может не быть в тесной связи с религиею: истина неоспоримая и для всякого очевидная, что слепа та вера, в которой нет знания, но не дальновидно и то знание, в котором нет веры»².

Эта выписка из статьи Михневича (также представителя духовно-академической школы, принявшего за философию) показывает, насколько близок к нему архим. Гавриил по *умонастроению*, с которым он пишет «Русскую философию». Однако источник его вдохновения все же не здесь, его следует искать еще раньше. Безусловно, рассуждения Михневича можно было *использовать для*

¹ Иосиф Григорьевич Михневич окончил магистром Киевскую духовную академию, с 1836 года был в ней профессором, а через три года перешел в одесский Ришельевский лицей.

² ЖМНП. 1839. Ч. 24. С. 166.

книги как сопутствующий материал или, читая его, еще раз убедиться, что идешь в верном направлении, но идея «Русской философии» пришла явно из другого источника, более раннего. Ведь уже в первом томе его истории философии, то есть в 1839 году, есть указание на появление особого дополнения в виде «истории российской философии», вышедшей одновременно с рассуждениями Михневича.

Вернемся к началу списка, к журналу «Телескоп», где напечатано «Письмо о философии» Максимовича (1833. № 12. С. 423–433), которое посвящено княгине Е.П. Юсуповой («Вы не напрасно полюбили философию: без нее нет полного знания. Но говоря это, я разумею не ту философию, которая свои построения основывает на расчетах одного разума»). Автор этой эпистолы подводит читателей к мысли, что не следует забывать про сердце, про любовь, поскольку она есть «высшее чувство души», и без любви нет разумения, и что Бог есть любовь. Но чтение этой статьи показывает, что не здесь сокрыт источник вдохновения архим. Гавриила¹. Также нашего внимания заслуживает первый номер «Журнала Министерства народного просвещения» за 1839 год, поскольку в нем дан отчет деятельности Уварова за пять лет и здесь повторно излагаются формулировки «охранительных начал», получивших свое «развитие» в книге архим. Гавриила. В этом отчете мы замечаем следующее положение, безусловно нашедшее отражение в «Русской философии»: «В чем же должны состоять начала нашего народного просвещения? Ответ находим в опыте веков и особенно в бытописании нашего Отечества. Дух русский, здравый, высокий в простоте своей, смиренный в доблести, непоколебимый в покорности Закону, обожатель царей, готовый все положить за любезное отечество, искони возвышал нравственные силы его»². Этот номер также укреплял нашего автора в правильности выбранного направления, давал полезные формулировки, но не мог быть первым «источником вдохновения». А с учетом времени его появления в 1839 году – первым номером, в январе, он мог быть, кстати, использован для надлежащего оформления своей речи уже упомянутым выше Михневичем, опубликованной в сентябре.

Явно не осталась без внимания архим. Гавриила в том же журнале неподписанная статья «О связи философии с историею» (1837. № 15), тем более что и в списке рекомендованной литературы этот номер указан, хотя и по поводу другой работы. Однако мы помним, что автор «Русской философии» далеко не все заявлял, что использовал. А в статье «О связи философии с историею» много положений, отголоски которых мы находим в его труде. Читая эту статью, я часто ловил себя на мысли, что это просто-напросто сжатое изложение, краткий пересказ, сделанный под журнальный формат, его книги. Однако скорее все наоборот, и книга архим. Гавриила дает развернутое изложение основных положений упомянутой статьи. «Любомудрие, – писал анонимный автор «О связи философии с историею», – есть наука об идеях, или первообразах прекрасного, истинного и благого; как наука о вечных наших судьбах, о Боге, мире и

¹ Примечательно, что об одной философской публикации в «Телескопе» он предвзвездительно умолчал. В начале октября 1836 года вышла 15-я книга журнала, где в отделе «Науки и искусства» была опубликована статья под названием: «Философические письма к г-же ***. Письмо 1-ое», и автор тоже обращался к даме, и его эпистола началась благочестиво, с цитаты из Евангелия от Матфея («Да приидет царствие твое»), с намерением укрепления религиозных чувств адресата. Только здесь автор дописался до того, что по этому поводу заведено было особое дело, и Бенкендорф, получив сообщение от Петербургского митрополита Серафима, сделал приписку: «Ответить, что Государь и все благомыслящие люди совершенно разделяют его негодование; что журнал запрещен, цензор и издатель вызваны сюда для ответа, а сочинитель признан сумасшедшим».

² Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // ЖМНП. 1839. Ч. XXI. С. 7 и далее.

человеке, о жизни здесь и там; как наука о конечных, т. е. главнейших основах человеческого ведения и силы познавательной»¹. Но философия – «дело человеческое», «светская мудрость», а потому способна вводить людей в заблуждение; всегдашней ее коварной спутницей является «лжемудрие». История же, собирая «великую жатву опыта», способна предохранить человечество от заблуждений философов. И, пройдясь по основным этапам истории философии, анонимный автор заканчивает повествование следующим образом: «Таков от века мифов до нашего времени ход мира и «светской мудрости» (философии). История объясняет его. Настоящий век имеет свои задачи, и мы видим с утешением то время, в которое страна, счастливая своим положением, патриархальными нравами народа, героической храбростью войска, отеческим правлением самодержца, благоразумною системою законов, пламенным стремлением к наукам, не изменившая уставам вселенской Церкви и следственно не имевшая нужды в Реформации, сильная верою в промысел, вступает на первый план вершины современного бытия семейственного, гражданского и религиозного»².

Безусловно, что среди тех, кто мог привлечь самое пристальное внимание архим. Гавриила, был Краевский, ведущий в «Журнале Министерства народного просвещения» актуальный раздел «Обозрение русских газет и журналов». В частности, в обозрении за первую половину 1835 года, где он заговорил о Сковороде в связи с появлением в «Телескопе» статьи Хиждеу – «Григорий Варсава Сковорода. Историко-критический очерк». К этому времени о малороссийском мыслителе уже имелось в нашей периодической прессе несколько публикаций, но архим. Гавриил обратил внимание на эту личность именно благодаря Краевскому, «органично» озвучивавшему на страницах официального органа те события и персоны, которые соответствуют воззрениям Уварова. Здесь нам следует еще раз выделить строки Краевского, имеющие особое значение в контексте написания «Русской философии» архим. Гавриила, а именно, – *«если справедливо, что народ должен иметь свою собственную, созданную особым развитием его особенного духа философию, в которой, как в высшем простейшем выражении всех элементов народной жизни, соединены были бы основные понятия его ума, лучшие верования его сердца, оригинальное воззрение на природу»*³... Дело в том, что, открыв книгу архим. Гавриила, мы увидим, что первый же параграф в ней гласит: *«Каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от прочих народов, и свою философию, более или менее наукообразную, или, по крайней мере, рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»*... Таким образом становится понятно, что «зачин» для своей «русской философии» он заимствовал у Краевского, внимательно им читаемого, поскольку именно статьи помощника редактора министерского журнала отражали мнение высокого начальства, и он был для ученого монаха своеобразным «рупором», к которому необходимо прислушиваться, как к трубе архангела Гавриила.

Но при всем созвучии с установкой Краевского на *собственную, созданную особым развитием его особенного духа философию*, архимандрит начинает историю любомудрия не со Сковороды, а с других мыслителей. Поскольку задача философии «стремиться в сферу бесконечного и вдохновенно созерцать Творца в величии творения Его», то летоисчисление любомудрия он повел с принятия христианства на Руси и, двигаясь оттуда к современности, выстраивал в линию богоискателей, боголюбцов, богословов, людей набожных и благонравных, словом и делом совершавших благие для просветления души дела. И если сам Краевский в переложении «охранительных начал» Уварова передал

¹ ЖМНП. 1837. Ч. XV. С. 524.

² Там же. С. 535.

³ ЖМНП. 1836. Ч. IX. № 3 (Философия). С. 670–671.

лишь общие соображения о *своеобразии России*, то архим. Гавриил попытался обосновать его историей философии, держа в уме соображения Краевского. Именно он и стал для автора «Русской философии» своеобразным камертоном. Отметим также, что, став редактором «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», Краевский опубликовал в 1837 году, в первых двух номерах, программную статью «Мысли о России», где также сделал ряд высказываний, созвучных архим. Гавриилу: «На земле одна истина, одно добро, одна красота, но каждый народ идет своим путем к той высоте, на которой предстоят нам эти светозарные идеи. Высший закон человечества в том и состоит, чтобы всякий народ развивал ту идею, для которой способен по своему характеру, условливаемому местностью и историей его, и чтобы приносил плоды изолированной своей деятельности в общую сокровищницу человеческого образования». С этой мысли и начинается первый параграф «Русской философии».

Несмотря на все недостатки исполнения замысла – эклектичность, компилятивность, экзальтированная тенденциозность, поспешность исполнения, несомненной заслугой архим. Гавриила является то, что он первым понял намек на необходимость представления публике отечественной философии. Намеки на это делал и Карпов, в частности, в предисловии к «Истории философии древних времен» Генриха Риттера (перевод с немецкого, СПб., 1839). Там он, например, заметил, что всякий народ, вступающий на поприще философии, сначала должен изучить в связи идеи поколений предшествовавших, то есть «исследовать философию человеческого ума вообще, в вековых ее развитиях, и тогда сама собою определится точка его стояния и будет видно, чем кончилось время прошедшее и чего можно желать, искать и надеяться в будущем. И тогда, – уверен Карпов, – к генеалогическому дереву философии, пережившему столько тысячелетий, Россия привьет свое народное воспитание, свой нравственный характер, свой образ мыслей и произведет философию оригинальную». Еще больше оснований поговорить о русской философии Карпов находит в своем «Введении в философию» (СПб., 1840), в главе «О пользе философии», где сообщает, что «философия отечественная, оригинальная должна иметь в виду определение места, значения и отношений человека в мире, поскольку человек, сам в себе всегда и везде одинаковый, в развитии охарактеризован типом истинно русской жизни, и, раскрыв требования его природы, прояснить ему его обязанности по отношению к отечеству и религии». Однако у Карпова, также прислушавшегося к мнению начальства, своевременно излагаемому Краевским на страницах журнала, мы видим лишь пожелание философии, которая должна бы быть, но в наличии ее все же нет, да и не известно, будет ли она.

Отметим также, что близок к этому пожеланию – необходимости отечественной философии – и пастор Зедеггольм, например в статье «Современное состояние философии», написанной им еще в январе 1838 года (по итогам поездки в Германию, где годом ранее он слушал лекции Шеллинга). Но архим. Гавриил, как и все другие, о ней точно не знал, поскольку она появится позже, уже в год выхода «Русской философии»¹. Лишь в 1840 году Бурачек опубликует ее в своем «Маяке». Каждому народу, считает Зедеггольм, дана особая задача, свой удел: например, германскому народу – высшее мышление, а итальянцам – искусство, англичанам – промышленность, французам – «общежительность», а России – политическое могущество («политический перевес»). В Англии преобладание практического направления стало причиной того, что философия не перешла пределов «психологической опытности»; как и французы, они философствуют для «домашнего обихода», в то время как немцы – для «умственной экономии всего человечества». И если многие народы «едва имеют насыщенный

¹ Маяк. СПб., 1840. Т. 1. Ч. 5.

хлеб философский», то у немцев этой «духовной пищи» в избытке, а потому они в состоянии окормлять всех нуждающихся. Что касается состояния философии во Франции, то по характеру этого народа развитие ее в виде строгой науки почти невозможно, и в то время как философия есть «*монолог*, беседа души с собой», француз может разговаривать, беседовать только с публикой.

Закончив рассмотрение философских достижений ведущих народов Европы, пастор обращает внимание на «молодое, мощно развивающееся русское государство». Число «умозрительных явлений» у нас еще скудно, хотя мы имеем, например, Велланского, который старался возвести философию в физику, то есть на степень науки; мы имеем «умозрительного физика» Павлова; у нас есть Галич, который с любовью предается философии, хотя от него еще мало получили собственно умозрительного; есть Голубинский, Сидонский. И хотя этого мало, все же Зедергольм не сомневается, что, возможно, уже скоро настанет время, когда изучение философии «процветет» и в России, при всем том, что занятие умозрением, как ему кажется, не является нашим призванием. Впрочем, добавляет он, если способностью к умозрению мы до сих пор и *не превосходим* англичан или французов, то и *не уступаем*, а может статься, что в скором времени даже и возьмем верх над всеми. В подтверждение подобного убеждения Зедергольм перечисляет несколько причин: ум русских более доступен занятиям умозрительным, чем ум англичан и французов (у первых он слишком занят материальным развитием, а у вторых – политикой, создаваемой к тому же на шатком основании); россиянам же, только начинающим заниматься умозрением, уже не нужно «проходить всех стезей заблуждения, по которым слабый ум человеческого достигал храма истины»... И в этом месте соображения Зедергольма похожи на рассуждения Чаадаева из «Апологии сумасшедшего»: пастор также исходит из того, что мы можем избежать ошибки других народов – нужно только из истории знать чужие заблуждения, а повторять их в нашей духовной жизни совершенно нет надобности. Русские, как молодой народ, имеют еще и ту выгоду, которой давно уже лишились другие европейские народы – свежесть ума... И если к *свежести русского ума* присоединить *немецкое усердие к учению*, тогда мы «в силах будем стать наряду с народами, уже многие столетия занимающимися философией».

И все же в своем оптимистическом прогнозе относительно философии в России Зедергольм лишь обозначил нескольких современников, уже что-то сделавших на этом поприще, но в последующем, издав историю философии в двух томах, до «русской» дело так и не довел. Зато архим. Гавриил не только значительно расширил по своему усмотрению круг «самомыслителей», но и определил сонм предшественников, зайдя в поисках любознания в далекое прошлое. *Пастор* Зедергольм также пребывал в созвучии с «триадой» Уварова, был в курсе того, что писал Краевский, и знал, что для русских предпочтительнее философия в духе *аббата* Ботена, однако *архимандрит* Гавриил оказался проворнее. Именно он подхватил идею и развил тему.

Вдобавок отметим, что в раскрытии темы он использовал круг идей, озвученных в речи Новицкого, задавшегося вопросом: «Какова же должна быть философия народа русского, по своему направлению и своему духу?»¹. Ответ профессора Киевского университета предсказуем, он «сердцем и разумом» согласован с «охранительными началами». Поскольку философия есть самосознание народное, то в ней должен выражаться дух народа: «примерная религиозность, глубокая преданность отечеству и царю». Этим духом и должна быть проникнута и животворима философия нашего отечества. При этом Новицкий заявлял, что именно в уни-

¹ Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности // ЖМНП. 1838. Ч. XVII. С. 327.

верситете св. Владимира, в Киеве, преподаваемая студентам философия должна быть «запечатлена» именно таким «характером», поскольку тут, на берегах Днепра, высокопарно именуемого им Борисфеном (греческое название этой реки), где зародилось наше отечество, водружено «знамя любомудрия» на священных горах и крест Христов, здесь же «поставлена колыбель философии» и положено развиваться любомудрию в духе веры и любви к царю и отечеству. Но если Новицкий только успел заявить это, выразить философское кредо, согласно пожеланию Уварова, то архим. Гавриил перехватил инициативу и, курсируя между монастырем и университетом (официальной эмблемой которого, как мы помним, был крест, а девизом – «Во свете Твоем узрим свет»), быстро подготовил и издал первую в России «русскую философию», взвив штандарт любомудрия в Казани.

Разрозненные разговоры на тему «русской философии», ряд спорадических – от случая к случаю – публикаций, он свел (выделив лейтмотив в публикациях Краевского, пишущего в унисон триаде Уварова) воедино, представив сочинение под названием «Русская философия», а деление на параграфы, согласно нормам того времени, предполагало использовать его и как учебное пособие. «Русская философия», можно сказать, своеобразный плод *воображения* архим. Гавриила, уловившего пожелания начальства, однако им были учтены и суждения современных философов на эту тему. Данная книга – плод воображения ученого богослова на тему отечественной философии, и потому ее читатель найдет под видом изложения «как это было» лишь пожелание того, чем *должна быть* философия в России. Так что ретроспекция в ней мнимая, условная, зато очевидна *проекция* – перенос в прошлое установок настоящего, обуславливаемого целиком и полностью пожеланиями начальства, занятого спасением отечества посредством правильно организованного Министерства народного просвещения.

§ 6. Достоинства и недостатки «Русской философии»

Как я уже отметил, при составлении истории отечественной истории философии архим. Гавриилу не на что и не на кого было опереться. Просматривая в § 166 рекомендованные им пособия (книги и статьи из журналов), которые, как он указал, при критическом разборе могут служить для изучения философских наук, всякий увидит, что в том перечне нет ничего, что было бы специально посвящено истории отечественного любомудрия. Поэтому автор начинал, образно выражаясь, повествование о философии в России «с чистого листа».

У книги архимандрита много недостатков: компилятивность, диспропорции в объеме при представлении персоналий (чему причиной – где чрезмерное рвение по службе церковной и учебной, а где и банальная нерадивость), присутствие третьестепенных, а то и просто случайных лиц, в то время как нет безусловно значимых для философии мыслителей; сумбурность изложения и размытость формулировок; невнятная методология, неотделанность слога и даже неряшливость, чрезмерное усердие в следовании «духу времени», проявившееся в буквальном исполнении предписаний начальства из Министерства народного просвещения. И все же в его защиту можно сказать, что другие вообще ничего не могли предложить соотечественникам, даже фантазий на эту тему в эпистолярном жанре. Архим. Гавриил был единственным, кто взялся за дело – написание истории философии *в России*, завершив четырехтомный курс всеобщей истории философии (плюс еще одно приложение по «Восточной философии»), одновременно читая в университете курсы по логике и психологии, нравственному богословию, церковной истории и каноническому праву, выступая в храмах с проповедями, управляя монастырем, принимая участие в городских и губернских комиссиях и комитетах. Одним словом, старался, как мог.

Нам следует также учесть отсутствие у него навыков научной работы. В Москве и Петербурге он непродолжительно служил в академии в качестве бакалавра, проводя занятия исключительно по уже имеющимся учебным пособиям, составленным без его участия. Потом Орловская и Могилевская семинарии, где все больше – административные хлопоты, а в преподавании – опять же использование имеющихся руководств, исключительно из богословского круга дисциплин, а не философии. Затем, по прибытии в Казань, его захватили дела епархиальные: он неоднократно командировается для обозрения дел провинциальных – Симбирского, Алатырского и других духовных управлений; ему поручается освятить кладбищенский новоустроенный храм в уездном городе Чистополе, провести следствие о беспорядках в третьеклассном Кизическом монастыре; он занимается проверкой отчетов Казанской духовной семинарии, несколько раз назначается для освидетельствования церковных сокровищ в монастырях, для проверки церковных описей, семинарских и училищных отчетов; неоднократно поручался его надзору архиерейский дом (в частности, при отъезде архиерея)¹. Также он был присутствующим в Консistorии (с 29 сентября 1829 года), и его подпись мы обнаруживаем на метрическом свидетельстве о рождении в Казани 30 июня 1833 года у ректора Лобачевского сына Алексея, выданном 10 октября 1836 года². Затем снова работа в духовной семинарии Казани, но опять же по готовым пособиям и также лишь в области наук богословских. За все это время им ничего не публиковалось научного, да и вообще мало что печаталось, за исключением описания монастыря и храма-памятника при нем, краткого и без изысков. Зато часто приходилось выступать с проповедями, поучениями, «словами», которых в итоге наберется на полновесный двухтомник. С учетом последнего даже возникает желание сравнить его книгу с пространной проповедью. Равно как и с синодиком...

Есть в «Русской философии» что-то от *поминальных записок*, с которыми автору приходилось иметь дело ежедневно. Только если обычная церковная записка «О здравии» или «О упокоении» – это разовый «помянник», подаваемый для поминовения православных, то у архимандрита несколько иное. Для понимания этого уподобления следует указать на существование, помимо разовой церковной «записки», еще и помянника в виде особой книжечки, в которой отмечают имена живых и умерших. Именно ее христианин приносит в храм для подачи записок на проскомидию и ектении, на молебны и панихиды, именно она читается ежедневно в домашних молитвах. Это уже пространная запись на молитвенную *память потомству* о предках, ее бережно хранят около домашних икон в чистоте и опрятности. Вот и «Русская философия» – своего рода помянник, куда архимандритом Гавриилом записаны все любознательные «самомыслители», русские самодумы, так сказать, достойные «поминовения» на лекциях или репетициях (семинарских занятиях). Так что «в *поминовение*» у него: митрополиты Никифор, Платон (Левшин), князь Владимир Мономах, Даниил Заточник, Нил Сорский, Феофан Прокопович, архиепископ Георгий Конисский, «старчик» Григорий Саввич Сковорода, профессора Аничков и Брянцев, а в разделе «*о здравии*» найдем митрополита Филарета Дроздова, профессоров Буле, Даниила Велланского, Александра Галича, Гавриила Солнцева, министра народного просвещения Уварова, епископа Иннокентия Борисова, учителя философии в семинарии Надежина, профессоров Фишера, Карпова и многих других. Конечно же, это всего лишь уподобление, но в случае с архимандритом Гавриилом оно совершенно уместно для лучшего понимания как его стиля, так и приемов работы с материалом.

¹ НА РТ. Ф. 86, Оп. 14, Д. 1. Л. 8.

² «В подлинном свидетельстве почисток и поправок нет. Подписал: архимандрит Гавриил. Скрепил секретарь Андрей Стежинский. Справил столоначальник Чернов».

Согласно § 85 университетского Устава 1835 года должность профессора подразумевает «точные и достоверные сведения о ходе и успехах наук, им преподаваемых». Как этого можно было добиться занятому изложением состояния философии, в том числе и в отечестве? С кем можно было посоветоваться, что почитать? Периодических философских изданий нет, и лишь пятью годами ранее появился у нас ведомственный журнал, предназначенный для тех, кто служит отечеству на ниве народного просвещения, в котором, среди прочего, публиковались и материалы по философии. Также незадолго до описываемого времени наши университеты обзавелись своими «учеными записками», где о философии, впрочем, писалось еще меньше. Архим. Гавриил начинает публиковать историю «русской философии» в 1840 году, а сколько лет той философии?

Посмотрим на учреждения, где ее удастся зафиксировать по формальным признакам – *университеты*, на которые была возложена миссия систематического преподавания философии как науки. Начнем с тех, что имели тогда *особый статус*. В нашей империи существовали университеты, получившие узаконенную «обособленность» от прочих российских высших школ. Например, университет в *Гельсингфорсе* (первоначально в Турку), в Финляндии, со своим Уставом, с тесными связями с академическими центрами Германии, но вне философии; затем *Виленский*, состоявший из четырех факультетов: физико-математического, медицинского, нравственно-политического (с богословием), литературного (с изящными искусствами). После 1803 года в нем учредили кафедру логики и кафедру метафизики и морали. Поскольку подходящей кандидатуры на вакантную должность профессора не нашлось, то преподавал адъюнкт Ян Зноско. Через год это место занял прибывший из Эрлангена Иоганн Абихт, находящийся под влиянием идей Канта и Рейнгольда, читал все на латыни, на ней же издал (по материалам лекций) книгу. После его смерти за дело взялись доктор философии (правовед и экономист) Шимон Малевский и богослов Анёл Довгирд; в 1820 году, при объединении кафедр в одну, профессором стал воспитанник Варшавского университета, совершенствовавшийся в университетах Эрлангена и Гейдельберга, Юзеф Голуховский, утвержденный в должности лишь спустя два года, к лекциям приступивший в 1823 году, а через год из университета удаленный. В 1826 году сюда вернулся Довгирд, читавший лекции вплоть до закрытия университета в 1832 году (что последовало после польского восстания 1830–1831 годов). Так что никакого значения для философии в России этот университет не имел. Также особым статусом обладал и *Дерптский* (Юрьевский) университет. Выбор на Дерпт в свое время пал «по причине положения одного в средоточии трех губерний: Рижской, Ревельской и Курляндской», и торжественное открытие последовало в апреле 1802 года, а лекции начались через месяц. Университет разделялся на четыре отделения: философское, врачебное, юридическое и богословское. На кафедре философии здесь подвизался некто Г.В. Еш, но с 1832 года его место оставалось вакантным. И этот университет в отношении философии был бесполезным, зато благонадежным в политическом отношении: когда в июне 1833 года его посетил Уваров, то в своем всеподданнейшем отчете он между прочим отметил, что сословие профессоров здесь «отличается преданностью к правительству, равномерно и единодушием, везде весьма редким, особенно в ученых сословиях. Многие из них имеют имя в ученом мире, и все воодушевлены постоянным рвением к успехам наук; между собою они живут мирно и способствуют друг другу во всех случаях. Моральное их поведение не подвержено никакому нареканию, и во все пребывание мое не слышал я ни жалобы друг на друга, ни малейшего замечания, клонящегося в пользу личных страстей или выгод».

После обзора университетов с особым статусом и весьма условно российских (по духу и языку), переходим к типовым, нашим, отечественным. В *Киеве* университет – св. Владимира – появился лишь в 1834 году, и философии, к моменту

появления труда архим. Гавриила, насчитывалось шесть лет. Да и то на этом сроке все чуть было и не прекратилось из-за выявленного среди студентов тайного общества – дело шло к закрытию университета. Что до *Казанского*, куда прибыла часть высланных из Киева поляков-студентов, то он открылся в 1804 году, за 30 лет до Киевского, однако кто и как в нем учил, в том числе и философии, мы уже хорошо знаем. Далее, *Харьковский* университет, где в течение первого десятилетия преобладали профессора иностранного происхождения – 29, из них немцев – 18, французов – 4 и славян – 7. Особо отличился среди них профессор нравственных и политических наук *Johann Baptist Schad*, преобразившийся у нас в *Ивана Егоровича Шада*, который уже в 1816 году был отрешен от должности и выслан из России. А те, кого он прежде готовил, ни на что не годились: 22 декабря 1815 года профессор Дегуров обвинил Шада в том, что ученые промоции (то есть звания) докторантов Ковалевского и Гриневича не имеют силы, они фиктивные, так как представленные диссертации суть не что иное, как жалкие компиляции лекций научного руководителя. Комиссия, составленная из четырех профессоров, ознакомившись с диссертациями, пришла к выводу, что Гриневич и Ковалевский просто все списали с лекций Шада, которые и послужили для них «почти единственным первоисточником не только в смысле содержания, но и даже изложения». Далее, если у Казанского университета был блюститель нравов Магницкий, то в Харькове действовал его единомышленник Карнеев, бывший вице-президент Библейского общества. Сделавшись попечителем учебного округа, он с той же ретивостью взялся насаждать благочестие и разгонять мрак философического заблуждения, основанного на «кичливости разума». В итоге в 1831 году профессором по умозрительной и практической философии определен был Чанов, не имевший ни ученой степени, ни трудов: до назначения на должность он исправлял, среди прочего, обязанности квартального надзирателя, столоначальника в департаменте Духовных дел иностранных исповеданий, откуда перешел в советники Петербургского губернского правления, затем был директором народных училищ Харьковской губернии. Так что никакой философии в Харькове так и не завелось, и вскоре кафедра снова опустела, как сообщал ведомственный журнал, и университет «вызывал желающих занять в оном праздную кафедру умозрительной и практической философии», предоставив необходимые сочинения и бумаги, и рассчитывая на 2000 рублей жалованья и 500 рублей квартирных¹.

Чуть дольше и успешнее учили философии в *Петербургском* и *Московском* университетах. Но в столице после «чистки», устроенной благонамеренным Руничем, преподавание философии поручили Пальмину, а также Толмачеву, однако чтение лекций было настолько бледным и невыразительным, что вскоре обоих уволили как лишенных педагогических способностей, а их место занял выпускник Венского университета, читавший на ломаном русском по чужому пособию нечто философическое и благонамеренное... В Московском же университете кафедра давно пустовала, так что философию в Первопрестольной изучали частным порядком, между прочими светскими развлечениями. В воскресный вечер собирались в доме А.П. Елагиной у Красных ворот, в понедельник с утра спешили к Петру Чаадаеву на Ново-Басманную, по вторникам приглашал друзей Н.М. Языков, по средам – супруги Киреевские, по четвергам в собственном доме на Рождественском бульваре давала званые обеды поэтесса Каролина Павлова, по пятницам принимали Свербеевы, по субботам съезжались к Аксаковым. Кроме того гостей принимали еще Погодин, Хомяков, Кошелев. И вот зимой 1839 года Хомяков прочитал свое «О старом и новом», через некоторое время Киреевский выступил с «Ответом г. Хомякову». Обе работы предназначались не для печати, а для долгого «салонного спора» на

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. II. № IV. С. 347.

тему спасения России, и к философии имели отдаленное отношение: это были всего лишь ретроспективные анализы, выдаваемые за исторические экскурсы. Другие собирались вокруг Станкевича, начиная с зимы с 1831 на 1832 год. В 1833 году в этот кружок вошли Виссарион Белинский, годом ранее отчисленный из университета с издевательской формулировкой «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей», Константин Аксаков, в 1835 году – Михаил Бакунин, Василий Боткин и Михаил Катков. Особое внимание вдохновителя собраний – Станкевича – привлекал Гегель. Своего разумения для его понимания пока не хватало, так что он перевел и опубликовал в «Телескопе» обширную статью француза Жозефа Вильма «Опыт о философии Гегеля» (1835, № 13–15). Перебравшись в Москву, Бакунин стал бывать в доме Левашевых, где в одном флигеле жил его двоюродный дядя, а в другой части проживал Чаадаев. 2 апреля 1836 года Бакунин сообщал в письме, что долго беседовал с Петром Яковлевичем «о прогрессе человеческого рода, коего он вообразил себя руководителем и знаменосцем». И вот осенью того же года «Телескоп» уже закрыт за публикацию «философического письма» Чаадаева, Надеждин сослан в Усть-Сысольск, у Белинского произведен обыск, цензор Болдырев, он же ректор Московского университета, лишился места. На следующий год Станкевич уезжает за границу лечиться от телесных недугов, после чего кружок постепенно распадается и к 1839 году перестает существовать. Белинский, превратно поняв формулу Гегеля («все разумное действительно, все действительно разумно»), «примирился» с реальностью, уйдя в сторону «правого гегельянства», но вскоре раскаялся и проклял учителя, найдя нового кумира – простого человека; в журнале «Московский наблюдатель» напечатаны «Гимназические речи» Гегеля с предисловием Бакунина, затем его же статья «О философии», опубликованная в «Отечественных записках» (1840, № 4). Но, осознав, что для систематических занятий философией необходимо основательное образование, Бакунин в 1840 году покидает Россию, отправляется в Берлин, чтобы слушать там лекции К. Вердера (по логике), Шеллинга («философия откровения»). Герцен период с 1833 по 1839 год провел сначала в Перми и Вятке, потом во Владимире. Когда он вернулся в Москву, то еще застал увлечение гегельянской философией в полном расцвете, и ему самому ничего не оставалось, как приняться за ее изучение и примкнуть к лицам, воспитавшимся в кружке Станкевича, который сам в это время угасал на чужбине, штудировав в Берлине логику Гегеля, работая над статьей «Об отношении философии к искусству»...

Где еще можно было обнаружить у нас философию, хотя бы ее подобие, пусть и псевдоморфозы, но указывающие на работу духа, деятельность интеллекта? Безусловно, в *духовно-академических школах*, где имелись *кафедры философии*. Однако философия там не самоцель, а лишь *промежуточный этап в обучении*, и самостоятельных трудов здесь не было, да они и не особо были нужны. Тут готовили богословские кадры со знанием, среди прочего, и философии, но ради нее самой не учили; здесь читали курсы по истории философии, но самостоятельных пособий не писали. И университеты, и академии в лучшем случае производили учебные руководства по философии без влияния на философию, а внеинституциональные интеллектуалы – участники кружков и посетители салонов – всяк на свой манер осваивали европейскую философию, пытаясь применить вычитанные идеи к истолкованию действительности, радуясь неизбежной в таких случаях видимости своеобразия. Поэтому на что ни глянешь – на университеты, духовные академии, салоны – везде действия соотечественников «по поводу» философии были, но недостаточно энергичные, малочисленные и по своим итогам, результатам – неоригинальные. И уже сама попытка все это описать, представить в историческом развитии, выглядела как нечто из ряда вон выходящее.

Архим. Гавриил, как говорилось, не ограничился современностью (известной ему весьма поверхностно), а ушел в даль веков, ко времени принятия на Руси христианства. Он не довольствовался родной ему духовно-академической средой, не ограничился университетской философией, но, имея основанием для подбора материала «особое состояние духа», обусловленное религиозностью, исканием посредством разума существа высшего, обратился к самым разнообразным текстам, ему доступным, – не только журнальным статьям и книгам, но и рукописям. Вот и получился несколько экзотический собор «любомудров»: церковные иерархи (епископы, архимандриты, митрополиты), светские власти (князья), чиновники разных классов по табели о рангах, включая министра народного просвещения. Но другого сочинения, иного подхода к тому времени еще никто не предложил, не выдвинул ни оснований, ни хотя бы общих предположений. Хотя идея «истории философии в России» уже, можно сказать, витала в воздухе, но никому не приходило на ум ее написать. Вот уже несколько лет как начальство светское и духовное призывало действовать с учетом «охранительных начал», в стенах казенных учреждений установилась атмосфера патриотизма, отчизнолюбия, что все у нас может и должно быть свое, особое, родное, самобытное. К тому уже имелись и примеры представления национальных ментальных особенностей европейских народов, которые зафиксированы и в библиографии архим. Гавриила: изданные стараниями Боровкова «*О философии англичан*» (из сочинения Сталь-Голштейна, перевод с французского. СПб., 1819), «*О философии французов*» (также из сочинения того же автора. СПб., 1820). В России того времени переводились разного рода «истории философии» зарубежных авторов, которыми излагались взгляды не только древних греков и римлян, но и современников, прежде всего немцев, французов, англичан. И почему бы после описания их любомудрия не поставить вместо привычного многоточия запятую, не продолжить историю всеобщей философии изложением истории отечественной философии, хотя бы в виде приложения?

При этом следует учесть и повышенный интерес к отечественной истории, своему прошлому, повышенный спрос на историографию со стороны высшего руководства. В 1834 году на Министерство народного просвещения возложили обязанность собирания и издания *источников отечественной истории*, для чего была образована «Археографическая комиссия», которой поручили вести систематическую работу по выявлению и изданию источников по отечественной истории с древнейших времен. Казань в этом деле не отставала от велений времени, и вот уже «Ученые записки» публикуют соответствующие изыскания – «Выписка из летописца о Нижнем Новгороде»¹. Но если историки уже имели в своем распоряжении достаточное количество материала в виде первоисточников (летописи, рукописи, акты) и их описаний, включая аналитические разборы, то у архим. Гавриила их не было, ему приходилось самостоятельно решать, что считать источниками. В итоге его эмпирическая база – книги, журнальные статьи и рукописи, все те тексты, где есть *богоискание* посредством философских понятий, образов, высказываний, весь спектр суждений, от спекулятивных конструкций вплоть до народных пословиц и поговорок, все, в чем он видел проявление любомудрия.

Очевидный повышенный «спрос на историю» показывает нам, среди прочего, и отсутствие у нас прежде *исторического сознания*. При длительно-

¹ Выписка из летописца о Нижнем Новгороде // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1836. № 2. С. 126–157. Без подписи. В «Указателе статей, напечатанных в «Ученых записках» Казанского университета за время с 1834 по 1899 год включительно (вступ. статья Ф. М[ищенко]. Казань, 1900) автором назван архим. Гавриил, но в другом месте мы находим указание на авторство Н.А. Фирсова: *Соловьев А., Катанов Н.* Каталог книг, отпечатанных в типографии Императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, 1896.

сти нашего существования, продолжительности политической жизни, у нас так мало было «историй»! В сообществе *ученого духовенства* именно *история* была наименее почитаемой наукой, чувство исторического не прививалось ни в семинариях, ни в академиях. Как я уже замечал, первое изложение прошлого русской церкви появилось лишь в 1805 году, и это при принятии христианства в 988 году... По *Духовному регламенту*, составленному Феофаном Прокоповичем, историческим дисциплинам уделялся всего лишь один год, причем, изучение истории церковной смешивалось с изучением гражданской. Митрополит Платон предпринимал в свое время меры ввести общую историю в круг наук Троицкой семинарии, и ему даже удалось открыть необязательные курсы для семинаристов, но желавших по доброй воле учиться этой науке оказалось очень мало. «Напоминается начальству семинарии, – писал он впоследствии, – чтобы прилежное тщание иметь, дабы ученики учены были и успевали в истории церковной и гражданской, ибо сие наипаче человека просвещенным делает». Но преподаватели, отдавая большую часть времени изучению обязательных предметов, не соблюдали предписаний начальства, и история была «в забросе»¹. В царствование Павла I Синод, предлагая духовно-училищному руководству усилить преподавание исторических дисциплин, оставляет ее в ряду экстраординарных наук, то есть второстепенных и маловажных. При этом собственных пособий по-прежнему не имели, отсутствовала до 1805 года и история русской церкви, и только невероятным усилием, на склоне лет, митрополит Платон составил двухтомную «Краткую Российскую церковную историю» – от начала христианства в России и кончая упразднением патриаршества (2-е издание вышло в 1821 году, 3-е – в 1834-м). Так что архим. Гавриил, выходец из этой среды, на все смотрящей словно сквозь категорию вечности живущих вне времени, не испытывал какого-либо влечения к истории. Он взялся за составление много-томной истории философии по внешнему побуждению, по суровой необходимости готовить пособие, исполняя волю начальства, опиравшегося на Устав 1835 года, исполняя, так сказать, профессорскую службу. В его истории есть лишь *хронологическая последовательность* имен и текстов, но нет *развития идеи*. Последнего и не может быть в силу его богословской установки: *полнота истины дана в учении христианском*, а люди лишь в той или иной степени разнообразно выражают ее, включая и тех, именуемых философами. Но никто из них не достоин подражания, разве что уважения. Подражать следует лишь Христу. Так что в любой момент можно *закрывать* любую книгу по философии и *открывать* богословский трактат, а еще лучше – Священное Писание. Так будет лучше для жизни, для спасения души! Философия же лишь *иной способ обращения внимания на истину христианскую*, она хороша, но не наилучшая из наук. Архимандрит все время помнил, что философия – лишь промежуточный этап в образовании, она всегда была, есть и будет *второстепенной* на фоне богословия, менее значимой, что можно выразить простой и давно известной формулой «*Philosophia est ancilla theologiae*» («Философия – служанка теологии»). Он, конечно, не помыкает философами, как госпожа служанками, даже по-своему уважает эту науку, но у него нет никакого желания ни подражать философам, ни быть одним из них. Занимаясь философией как «университетской службой», он совершенно апатичен к этой науке.

Итак, при *неисторическом* умонастроении, при *апатии* к философии – безразличии, безучастности, отсутствии стремления к какой-либо деятельности, кроме преподавательской, – он все же берется за составление истории философии, не по внутреннему, а внешнему побуждению. И за неимением навыков в научной работе и совершенным отсутствием примеров отечественной исто-

¹ Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 332–333.

риографии русской философии, из-за его перегруженности академической работой, ведущей к «разбросанности мыслей», труд его получился скорее *доксографическим*, чем историко-философским. «Русская философия» как книга получилась эклектической, местами наивной, схематичной, официозной, тенденциозной, одиозной. Однако он был *первым*, кто сделал подобную работу, не только, фигурально выражаясь, богоугодную, но и полезную для философии.

Аннотация. Публикуется фрагмент книги В.В. Ванчугова «Первый историк русской философии: архимандрит Гавриил и его время» (М., 2015). К первой половине XIX века идея «истории философии в России» уже витала в воздухе, однако никому не приходило на ум написать такую историю, притом что уже целый ряд лет начальство, светское и духовное, призывало академическое сообщество действовать с учетом «охранительных начал», а в стенах казенных учреждений установилась атмосфера патриотизма, отчизнолюбия, в соответствии с которой у нас может и должно быть всё свое, особое, родное, самобытное. Но только архим. Гавриил, профессор Казанского университета по кафедре богословия и философии, следуя духу времени, смог исполнить проект государственной важности – написать первую в России историю отечественной философии. Он не довольствовался родной ему духовно-академической средой, не ограничился университетской философией, но, имея основанием для подбора материала «особое состояние духа», обусловленное религиозностью, исканием посредством разума существа высшего, обратился к самым разнообразным текстам, ему доступным. Как первопроходцу ему приходилось самостоятельно решать, что считать источниками, в итоге его эмпирическая база – книги, журнальные статьи и рукописи, все те тексты, где есть богоискание посредством философских понятий, образов, высказываний, весь спектр суждений, от спекулятивных конструкций вплоть до народных пословиц и поговорок, всё, в чем он видел проявление любомудрия.

Ключевые слова: история философии, историография, история, любомудрие, отчизноведение, университет, образование, духовно-академическая философия, религия, духовенство, патриотизм, «официальная народность», идеология, политика.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

The First Historian of Russian Philosophy: Archimandrite Gavriil and His Time

Abstract. In the first half of the 19th century the society was aware of the importance of the idea of “the history of philosophy in Russia”, but no one was ready to write such a history, though for several years already both secular and spiritual authorities urged the academic community to act on the basis of “conservative principles”, and atmosphere of patriotism and motherland loving was clearly felt in the state establishments, presuming that our country can and shall have everything of its own, native distinctive and special. Only Archimandrite Gabriel, Kazan university professor, head of the department of theology and philosophy, was able to accomplish the project of national importance and write the first history of Russian philosophy. He was not content to stay within only the clerical and academic sphere or university philosophy, but based his choice of material on the “special spiritual state” resulting from religiousness and seeking higher essence with human mind, thus turning to various texts available for him. In his capacity of the first explorer he had to choose the sources on his own and as the result his empirical basis included books, journal articles and manuscripts, where texts contained God-seeking through philosophical concepts, images, statements, the total range of opinions, from speculative theses to folk proverbs and sayings, where he saw manifestations of wisdom.

Keywords: History of Philosophy, Historiography, History of Wisdom, Russian Studies, University, Education, Spiritual and Academic Philosophy, Religion, Clergy, Patriotism, “Official Nationality”, Ideology, Politics.